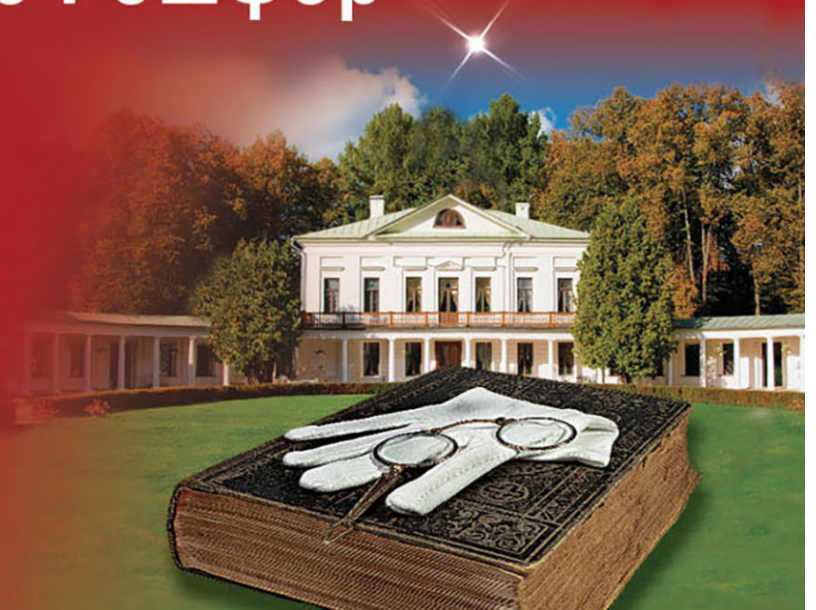

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Герцогиня де Рошфор
сделала себе состояние
на карточных играх
благодаря удивительной
способности...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Лорнет герцогини
де Рошфор**

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Лорнет герцогини де Рошфор

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Лорнет герцогини де Рошфор / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2023 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-192153-8

Герцогиня Де Рошфор сделала себе состояние на карточных играх благодаря удивительной способности. Кажется, что через волшебный лорнет она видит всех людей насквозь. Но однажды этот лорнет пропадает. В наше время от компании с нехорошими намерениями убегает молодая девушка Алиса. В панике она садится в машину незнакомца, но тот оказывается не лучше. Алиса скрывается от него в старом заброшенном доме. Когда же она возвращается к себе, то обнаруживает, что вместо своих очков случайно взяла футляр с лорнетом. Девушка решает вернуть себе свою вещь, однако она никак не может найти дом – он мистическим образом исчез. А еще убили человека, который предложил ее подвезти... Кто его убил? Откуда у нее лорнет? И где дом, в котором она его нашла? Это все похоже на плохой сон, но что же произошло на самом деле, читайте в новом детективе Наталии Александровой!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192153-8

© Александрова Н. Н., 2023
© Эксмо, 2023

Наталья Николаевна Александрова

Лорнет герцогини де Рошфор

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Задыхаясь от ярости и унижения, я выбежала на крыльцо, не разбирая дороги, пробежала до ворот, вылетела на улицу, на одном дыхании пробежала еще десяток шагов и только тогда опомнилась...

Я шла по пустынной загородной дороге. Вокруг не было ни души – что неудивительно: стояла глубокая ночь, хотя и было светло, как всегда бывает у нас тут в июне.

Слава богу, под действием какого-то женского инстинкта, прежде чем выбежать из дома, я нашла свою сумку с деньгами и документами. И телефон тоже был в ней... Куртка где-то завалилась, некогда было искать. Курточка была новая, купленная в дорогом магазине со скидкой, так что от потери ее я пришла в еще большую ярость. Холодно мне, конечно, не было, внутри все просто пылало от жара и злости.

Постояв немного, чтобы выровнять дыхание, я достала телефон, чтобы вызвать такси, хотя не знала точного адреса, но как-нибудь договорюсь...

И тут я увидела, что телефон полностью разрядился.

Только этого мне не хватало ко всем несчастьям!

Я машинально шла вперед, думая, что делать, и вдруг рядом со мной притормозил автомобиль. Большая красивая машина переливчатого цвета, как надкрылья майского жука. Окно машины опустилось, из него выглянул водитель – мужчина прилично за сорок с приплюснутым, как у боксера, носом – и проговорил:

– Девушка, вас подвезти?

Я замерла в растерянности.

Садитесь в машину к первому попавшемуся незнакомцу, да еще ночью, да на безлюдной загородной дороге – запредельное легкомыслие, но другого выхода у меня просто не было.

– Да садитесь уже, что вы такое вообразили! За маньяка меня, что ли, принимаете?

Я хотела сказать – да, в общем, принимаю, но постеснялась. Нельзя так обижать незнакомца!

А он уже насупился и сказал:

– Ну, как знаете... хотел в кои-то веки доброе дело сделать...

И уже включил зажигание.

А я представила, что снова окажусь одна на ночной дороге, – и решила. Ладно, он один, если что, уж как-нибудь отобьюсь... не пятнадцать лет...

Я шагнула к машине, потянулась к дверце:

– Ладно, подвезите к ближайшей заправке, я там такси вызову!

– К заправке так к заправке! – Он открыл дверцу, подождал, пока я устроюсь на сиденье, и рванул с места.

Мягкое сиденье, плавный ход машины немного успокоили меня, даже склонило в сон.

Хотя не в том я положении, чтобы разоспаться в незнакомой машине ночью, просто наступила реакция на напряжение.

Да уж, сказать, что у меня был просто стресс, – это ничего не сказать. Мне казалось, что внутри у меня бушует жуткий пожар, как на нефтяной вышке. Я, конечно, понятия не имею, какой там бывает пожар, наверно, очень сильный. И его трудно погасить. Почти так же, как то, что у меня внутри.

Однако огнетушитель не понадобился, поскольку машина по хорошей дороге ехала мягко и тихо. Шоссе было свободно – еще бы, третий час ночи. Но поскольку в июне в нашей полосе

ночи как бы и нет (одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса, как учили мы в школе), то машины все же встречались, но редко.

Потихоньку руки у меня перестали дрожать, а зубы скрипеть. Ярость не то чтобы отпустила, просто ушла куда-то вглубь.

Я наскоро пригладила волосы, проверила замок сумки и хотела было достать пудреницу, чтобы хоть губы подкрасить, но подумала, что водитель посчитает это за кокетство и сделает неправильные выводы, и решила оставить все как есть.

Незачем мне перед ним красоваться, сейчас выйду на заправке, вызову такси и поеду домой.

Домой... вот тут волей-неволей я вспомнила, что дома у меня как бы и нет. То есть с этим проблемы.

Вообще, трудности, конечно, не с домом, а с Лешкой. Хотя как раз с ним теперь никаких проблем нет, остались у меня только организационные, то есть по-быстрому забрать свои вещи из его квартиры, занести его номер в черный список и выбросить этого мерзавца из собственной жизни. Навсегда.

Сделать это будет совсем нетрудно, ведь мы ничем не связаны, нигде больше не пересекаемся, вместе мы не работаем, общих друзей у нас нет, с его родителями я незнакома, а с моими у меня сложно. Но об этом после.

Я вздохнула и пошевелилась на сиденье, заметив краем глаза, что водитель собирается что-то сказать. Ужасно не хотелось ему отвечать, и я прикрыла глаза, делая вид, что заснула.

А как все хорошо начиналось...

То есть не то чтобы Лешка явился мне принцем на белом «Мерседесе» (скажу сразу, я перестала мечтать о принце примерно лет с двенадцати, а возможно, еще и раньше), но на первый взгляд он казался вполне приличным парнем.

Познакомились мы случайно, он остановился и помог мне на дороге, когда что-то случилось с мотором моей старенькой машинешки. Вообще, честно сказать, у меня не машина, а горе, все время ломается. А у Лешки в этом смысле оказались золотые руки. В тот раз он сам устранил очередную пакость, потом привел меня к приличному мастеру. Но дело, конечно, не в машине.

Лешка мне понравился тем, что не грубил, не тащил сразу в постель, не строил из себя крутого, не врал по мелочи, и еще у него была своя квартира, в которую он пригласил меня не сразу, а только через месяц, что тоже говорило о нем, безусловно, хорошо.

Квартирка была маленькая, в плохом районе, зато своя, доставшаяся ему от недавно умершей тетки. Тетка, судя по тому, что я увидела, была женщина аккуратная, и Лешка не успел еще квартиру окончательно захлупить.

Внешности Лешка был самой обычной – выше меня, а это немаловажно, поскольку я девушка высокая, метр семьдесят шесть, и это если без каблуков.

В общем, мне с ним было легко – простой парень, без особенных амбиций, однако какие-то деньги он зарабатывал, не рвался сидеть на моей шее (бывали у меня и такие приятели). Характер не противный, не жадный, да и я, в общем, его положение понимала и денег особо не просила. Он по утрам поднимал гантели, раз в неделю ходил в зал и, что меня особенно привлекало, совершенно не курил.

И это усилило мое решение с ним жить, потому что с некоторых пор я терпеть не могу табачного дыма и запаха, который идет от курящих людей. Моя мать курила, как паровоз, так что в доме пропахли все вещи: одежда, постельное белье, кухонные полотенца. После того как я съехала с ее квартиры, меня долго еще преследовал этот запах.

В общем, это решение я приняла полгода назад, и все было неплохо. То есть сразу навязываться Лешке я не стала, приучала его к себе потихоньку, полегоньку. То переночую раз в неделю, а потом ухажу, то условимся, что проведем выходные вместе, а у меня вдруг в квар-

тире неожиданно случается потоп или соседи буянят (разные причины придумывала, стараясь не повторяться).

Главная моя задача была внушить Лешке, что он сам принял решение со мной жить постоянно, чтобы поверил, что это была его собственная идея.

Я даже сама удивилась, как быстро у меня все получилось. Ну, говорила же, что Лешка – парень простой, без затей, такого просчитать легко.

Ну, я тогда так думала, что не будет мне от Лешки никаких неприятных сюрпризов, спокойный такой, незлобивый, в постели тоже никаких особенных трудностей, в смысле секса он был прост, как редис, и незатейлив, как грабли.

Хм... как выяснилось сегодня, я ошибалась.

Как пишут в старых романах, ничто не предвещало грядущих неприятностей.

То есть это я так мягко выражаюсь про неприятности, на самом деле это был полный кошмар. А так в отношениях с Лешкой у нас была тишь да гладь, и я даже собиралась переезжать к нему окончательно и договорилась сдать свою комнату в коммуналке на долгий срок. Теперь все придется отменить, и с этим тоже будут проблемы.

Значит, буквально вчера Лешка мне заявил, что на выходные мы едем на дачу к его приятелю Толику. Погода хорошая, лето на дворе, недалеко от дачного поселка озеро, где можно купаться, шашлыки, все такое... в общем, отдохнем, как люди.

Что ж, я в принципе была не против, дел никаких на выходные особенно не было, так что я спросила только, кто такой Толик и отчего я его раньше никогда не видела.

Старый друг, отвечал Лешка, раньше в армии вместе служили. С тех пор редко видимся, но вот сейчас и познакомимся.

Спокойно так сказал, обычно. И отвернулся, чтобы чаю налить, разговор этот был у нас за ужином.

И вдруг на меня накатило. Уши заложило, перед глазами темнота, как будто они закрыты, и пахнет... нет, запаха я не почувствовала, и все быстро прошло, Лешка даже ничего не заметил. Но мне-то следовало обратить на это внимание потому, что такое со мной происходит только перед большими потрясениями.

Так мне дают понять, что случится в моей жизни что-то плохое. Причем в самое ближайшее время.

Я это давно поняла, еще в юности. Но никому не рассказывала, ни психологу, ни уж тем более матери. Но об этом после.

Тогда все так быстро прошло, что я не насторожилась. А зря.

Значит, ехать мы решили на Лешкиной машине. Он сказал, что мое ржавое ведро застрянет на проселочной дороге, и я не могла с ним не согласиться. Тем более что машину в очередной раз чинили.

Я спросила, кто еще будет, Лешка сказал, что вроде бы у Толика есть подружка и еще будут люди. Я еще оделась поприличнее, новый топ напялила, как полная дура.

Пока с работы отпустили, пока пробки, на дачу мы приехали часам к десяти. Если вы думаете, что там играла музыка и был накрыт стол, то вы глубоко ошибаетесь.

Толик мне не понравился сразу – хоть роста и невысокого, но широк в плечах, так что не выглядел мелким. Но дело, конечно, не в росте. При знакомстве он окинул меня таким наглым взглядом, было такое чувство, что майка на мне задымилась.

Дача была старая, хоть дом и большой, но видно было, что никто им не занимался уже много лет.

Участок тоже довольно запущенный, он густо зарос сорняками и кустами сирени, отчего совершенно распоясались злобные кровожадные комары. Так что за стол сели мы в комнате, где было тесно, грязновато и вообще противно. Подружка Толика... как же ее звали... Дина,

Даша, нет, кажется, все же Дуня... В общем, мы с ней сказали друг другу буквально два слова. Она как сидела в гамаке с сигаретой и бокалом в руке, так и осталась сидеть.

В доме не было никакой еды, кроме той, что мы привезли с собой – палку копченой колбасы и коробку шоколадных конфет. Зато было много спиртного – вино, водка. Шашлыки жарить, конечно, было поздновато, но в стареньком холодильнике я не нашла и следов мяса.

– Завтра, – сказал Толик, перехватив мой недоуменный взгляд, – все завтра...

И подмигнул противно.

На мой вопрос, приедут ли еще гости, Толик сказал, что мы посидим вчетвером теплой компанией. И снова подмигнул, так что я подумала, может, у него нервный тик.

Его подруга наконец выползла из своего гамака и помогла мне накрыть стол. Тарелки были старые, с отбитыми краями, рюмки разномастные и залапанные чужими пальцами. Клеенка на столе была прорвана во многих местах. Во мне потихоньку копилось удивление.

Лешка, в общем, был парень довольно аккуратный, не неряха, не грязнуля, каждый день по утрам принимал душ, не разбрасывал по комнате грязные носки, потом от него не пахло. В противном случае я бы не стала с ним связываться.

Мужиков перевоспитывать – себе дороже обойдется, все равно ничего не получится, только собственные нервы угробишь.

Опять-таки, за столом Лешка не чавкал, не втягивал суп, как будто у него не рот, а насос, и умел пользоваться ножом и вилкой.

В общем, вполне можно было с ним сосуществовать в одной квартире, не испытывая каждую минуту желания стукнуть его по голове сковородкой или вылить тот же суп на голое пузо.

Теперь же я не заметила и тени брезгливости на его лице. Лешка спокойно пил водку из грязных рюмок, закусывая ее колбасой и черствым хлебом, хрустел на всю комнату солеными огурцами, которые принес Толик и выставил на стол прямо в эмалированном бидоне.

Я решила помалкивать – что уж тут скажешь. Переночевать как-нибудь, утром выкупаться, шашлыки пожарить, если будет из чего, и уехать в город. Еще одной ночи здесь я не выдержу. А если Лешка будет выпивши, то я сама за руль сяду.

Эта самая Даша или Дуня как села на свое место за столом, так и не вставала, только пила вино из чайной чашки. Вино, кстати, было дешевое и скверное, я только из вежливости отпила немного. Пробовала эта самая Дуня курить, но тут Толик прикрикнул на нее, чтобы не смела в комнате, иначе задохнемся мы все.

Какая-то играла музыка – не то русский шансон, не то что-то подобное, мужики вспоминали каких-то личностей, до которых мне не было никакого дела, было невыносимо скучно.

Я вышла было на улицу, но там все тело мгновенно обсели комары, так что я вернулась в дом. Там все было по-прежнему, водка лилась рекой, колбаса уменьшилась до половины.

Лешка – парень здоровый, так что я мысленно взмолилась, чтобы он поскорее опьянел, тогда можно было бы уложить его спать.

Дом был одноэтажный, две комнаты и веранда, где стеклышки в окнах кое-где были заменены фанерой. В одной комнате был стол, я заглянула в другую, там была старая железная кровать, и эта Даша или Дина не удосужилась даже застелить постель.

От вида скомканных серых простыней меня чуть не стошнило. Черт, ну как это я поверила Лешке, что у нас будут хорошие выходные...

Я решила, что ночевать мы с Лешкой будем на веранде, там стоял старый продавленный диван. Пусть меня сожрут комары, но все же воздух посвежее.

Дальше все пошло очень быстро. Даша или Дуня, или как ее там, заявила, что идет курить, Лешка, пошатываясь, потащился за ней, я, чтобы хоть чем-то заняться, принялась убирать со стола.

Толик вертелся рядом, потом вдруг вытащил откуда-то бутылку шампанского и предложил выпить с ним за знакомство.

Я немного замешкалась, неудобно было отказаться, а он уже открыл шампанское с шумом и пеной, так что пробка едва не разбила стекло в узком окошке.

Вот не уважаю таких мужчин, которые не умеют открыть шампанское аккуратно. А он, облив свою не слишком свежую футболку, снял ее и остался голым до половины. Мускулы, конечно, были у него приличные, но мне-то что до этого?

Я отвернулась, и принялась собирать тарелки, и не заметила, как он подкрался близко и вдруг обхватил меня сзади. И я почувствовала всю серьезность его намерений, если вы понимаете, о чем я. Я попыталась отшутиться со смехом и освободиться, но вскоре поняла, что это не сработает. Тогда я утроила усилия, он в ответ сжал меня сильнее, так что я едва дышала.

И наконец до меня дошло, что сейчас меня изнасилуют. Вот тут, вот в этом грязном деревенском доме. Этот урод такой сильный, что одна я с ним не справлюсь.

– Леша! – заорала я, но в ответ мой мучитель только рассмеялся настолько противно, что я поняла: помощи ждать не от кого. Не услышит меня Лешка.

Между тем урод обхватил меня и потащил в соседнюю комнату. Да-да, вот на ту самую кровать с серыми простынями, и уже рука зашарила по моим джинсам, пытаюсь расстегнуть молнию.

Тут под руку мне попала недопитая бутылка шампанского, и я, не примериваясь, двинула ею назад, пытаюсь попасть хоть куда-нибудь. Особого вреда я уроду не нанесла, но шампанское попало в глаза, потому что он ругнулся и слегка ослабил хватку.

Я развернулась, укусила его в плечо и чуть отступила. Ну, если руки и ноги у меня свободны, я знаю, как действовать. Был у меня парень, инструктор по самообороне, недолго мы с ним встречались, но кое-чему он меня научил.

Пока этот сексуальный маньяк пытался проморгаться, я размахнулась и угостила его коленом в самое уязвимое мужское место. Инструктор мой утверждал, что это самое надежное дело. Вырубает мужиков только так. Главное – точно и сильно, а то только хуже сделаешь, насильник озверевает и может вообще убить.

В данном случае я сама удивилась, до чего все правильно сделала, потому что урод утробно ухнул, согнулся и упал на колени. Я решила не упиваться победой и помчалась искать Лешку. Какая уж тут ночевка, уезжаем немедленно!

И как вы думаете, что я увидела, когда его нашла? Правильно догадались: эта парочка устроилась на веранде, и, судя по тому, как громко скрипели пружины на старом диване и стонала эта самая Дуся, чтоб ее разнесло до шестьдесят четвертого размера, все у них было в полном шоколаде.

Нет, ну что же это такое?

Вот тут на меня накатила такая злость, что я схватила старую табуретку и с размаху опустила ее на Лешку.

Не знаю уж, куда попала, по спине или по голове, не стала уточнять. Выбежала во двор, и, конечно, этот паразит запер машину и спрятал ключи. Вот тогда я рванула пешком до шоссе, поскольку оставаться в доме было никак нельзя, хорошо хоть сумку прихватила.

И теперь еду куда-то ночью в незнакомой машине, да как меня угораздило так влипнуть?

Я вздрогнула, опомнилась и открыла глаза.

Мы уже долго ехали, а заправки все не было, наоборот, вокруг были глухие заборы, за которыми прятались спящие, равнодушные дома.

– Это куда ты меня завез? – спросила я раздраженно. – Я же просила только до заправки!

– Будет тебе заправка! Все тебе будет! – проворчал водитель и вдруг притормозил, остановил машину и повернулся ко мне. – Все тебе будет, но сперва мы с тобой познакомимся поближе! – и схватил меня потной лапой за грудь.

– Отстань, сволочь! – прошипела я, пытаюсь отстраниться, и в то же время попробовала открыть дверцу.

Но это не получилось – дверь была заблокирована. Ну да, как же, водитель думает, что он все предусмотрел, что теперь мне деться некуда и все у него пойдет прекрасно. А потом, может, и довезет меня до города или вообще выбросит на дороге, раз свое получил.

Нет, ну что-то слишком часто мне сегодня попадаются такие уроды, день, что ли, неудачный. Вернее, ночь.

– Да брось ты выеживаться! – пыхтел он, шаря по мне руками. – Ты же села ко мне, значит, понимала, к чему все ведет...

– Я думала, ты человек, а ты...

– Я нормальный мужик! – прорычал он. – А значит, у меня... да ты потом сама довольна будешь!

Ага, довольна и счастлива. Ну, тут ты, дорогой мой, ошибаешься. Это в прошлый раз я не ждала от Толика такой подлости, все же Лешка его своим другом представил, но не полная же я дура, чтобы два раза наступать на те же грабли.

– Ну ладно, ладно, ты нормальный, погоди, дай я резинку найду! – И я потянулась к своей сумке.

– Вот это дело. – Он довольно ослабился. – Я же говорил – тебе самой понравится!

– Понравится, понравится! – Я запустила руку в сумку и нашарила там баллончик. Хороший такой баллончик, нервно-паралитический, мне его по знакомству достали. Резко вытаскала его, задержала дыхание и брызнула в лицо подонку.

Он охнул, изумленно вытаращил глаза, побагровел и, наконец, отключился.

А я, продолжая задерживать дыхание, разблокировала ручку двери и выскочила наружу.

Тут отдышалась и бросилась наутек, пока паразит не пришел в себя.

Хороший баллончик, качественный, отключил его на время – но не очень надолго. Кто его знает, сколько он так проваляется, мужик-то здоровый, весу много, так что быстро очухается, и тогда мне лучше быть от него как можно дальше.

Вдоль дороги росли густые кусты – этот гад нарочно остановил машину в таком месте, где никто не помешает. Я пробежала метров двадцать и увидела среди кустов тропинку, которая вела к дому – судя по тому, что в конце тропинки виднелась красная черепичная крыша. Ну да, ночи-то светлые, все видно.

Я решила, что хватит с меня дорожных приключений, авось в этом доме мне хоть дадут телефон зарядить и такси вызвать...

Конечно, если живет там семья и мужчины в доме есть, в противном случае мне и дверь не откроют.

Я прошла по тропинке, по дороге одергивая одежду, чтобы подойти к дому в приличном виде. Ну, джинсы у меня в порядке, открытый топ, порванный Толиком, я еще там сменила на Лешкину футболку... и вот еще что.

Я достала из сумки очки. Не темные, самые обычные. Забыла сказать, что у меня близорукость, поэтому очки нужны только для дали, в остальное время я и так без них обхожусь. И сейчас надела их для солидности. Оправа дорогая, вид у меня в очках серьезный, авось обитатели дома поймут, что я не злодейка и просто попала в сложную ситуацию.

Тропинка повернула, и передо мной предстал дом.

Он был красивый, двухэтажный, с мезонином и высоким резным крыльцом.

Ни одно окно его не светилось, что, в общем, неудивительно глубокой ночью.

А по обеим сторонам от крыльца...

Сперва я испуганно попятилась – мне показалось, что по сторонам от крыльца сидели две огромные черные собаки с грозно ощеренными пастьями. Однако, приглядевшись, я поняла, что собаки эти не шевелятся и даже не дышат потому, что это статуи из черного камня.

В голове всплыло: «...с поднятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые...»

Ну, не львы – псы...

Все равно я приблизилась к крыльцу с некоторой опаской, косясь на каменных сторожей. – Хорошие собачки, хорошие... – пробормотала я льстиво, поднялась на крыльцо и подошла к двери.

На двери висел красивый медный колокольчик.

Я позвонила в него.

Где-то внутри отдалось эхо этого звона, но больше ничего не произошло.

Ну, ничего удивительного – спят люди...

Я успокаивала себя этой мыслью, но внутренне понимала, что с этим домом что-то не то, в нем не чувствовалось дыхание жизни.

На всякий случай я постучала в дверь, а потом чисто машинально дернула дверную ручку...

И дверь открылась.

Я заглянула в дом.

Передо мной была просторная полутемная прихожая. В ней никого не было, и на меня сразу дохнуло пустотой и безлюдностью, которую почему-то усугубляла единственная синяя женская туфелька, валявшаяся недалеко от входа, словно выброшенный на берег кораблик.

Я попыталась внушить себе, что жильцы дома просто спят, что, в общем, неудивительно глубокой ночью, но в глубине души я чувствовала, что тут никого нет.

В доме царил та особенная тишина, которая бывает только в безлюдных, опустевших, оставленных хозяевами домах.

Тем не менее я осторожно вошла в прихожую, пересекла ее, обойдя одинокую туфельку, толкнула дверь, которая, как ни странно, не скрипела, и шагнула в жилую комнату.

Если прежде у меня еще были какие-то сомнения, то теперь я окончательно уверилась, что в этом доме нет ни души.

Комната, куда я попала, была слабо освещена обманчивым, таинственным светом, проникающим с улицы через полузадернутое шторой окно.

В первый момент мне показалось, что она красиво, со вкусом обставлена. В центре ее был круглый стол, накрытый скатертью, у одной стены стояло пианино, у другой – кожаный диван, два кресла и застекленный шкаф.

Но когда я привыкла к слабому освещению и пригляделась, я увидела, что скатерть на столе полуистлела, от пианино остался только остов, одно из кресел было сломано, и на всей обстановке лежал слой пыли, давней и слежавшейся, такой толстый, что его можно было принять за мебельную обивку.

Собственно, то, что я приняла за кожаную обивку дивана, и было застарелой пылью.

В дальнем конце комнаты была еще одна дверь, ведущая в глубину дома. Дверь эта была полуоткрыта.

Видно было, что здесь давным-давно никто не открывал крышку пианино, никто не прикасался к клавишам, никто не пил чай за этим столом, никто не сидел на этом диване...

От этой заброшенности я ощутила тоскливое, томительное чувство.

На всякий случай я крикнула в глубину дома:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Но, как я и ожидала, никто мне не ответил.

Я пересекла комнату, остановилась возле уцелевшего кресла.

Усталость от сегодняшней безумной ночи была просто непереносимой. Я должна была хоть немного отдохнуть...

И я опустилась в кресло.

Мне показалось, что в этот момент что-то упало на пол, глухо звякнув, но не было сил проверить...

Как ни странно, кресло было такое удобное, такое уютное, так дружелюбно и ласково оно приняло меня в свои объятия, что я тут же заснула...

Я сидела в кресле, в распахнутое окно заглядывало свежее июньское утро, за окном шелестели листья деревьев и радостно пели птицы.

От былой усталости не осталось и следа.

Я поднялась из кресла, перебежала комнату, прихожую, выбежала на крыльцо...

Передо мной была просторная, аккуратно подстриженная лужайка, обрамленная кустами сирени и жасмина. Вдалеке, за этими кустами, виднелись верхушки деревьев, где-то еще дальше протяжно прогудел проходящий поезд.

В воздухе смешивались ароматы цветов и свежескошенной травы.

Вдруг кусты раздвинулись, и на лужайку выбежали две огромные черные собаки.

– Ромул! Рэм! – окликнула я их, сама не зная, откуда я знаю их имена.

Услышав мой голос, они приветливо залаяли, подбежали, запрыгали вокруг.

Я ничуть не боялась этих собак – ведь я их хозяйка, они преданы мне и никогда не сделают мне ничего плохого...

И не позволят, чтобы что-то плохое сделал мне кто-нибудь другой...

Один пес попытался положить огромные лапы мне на плечи, я со смехом отскочила и заметила, что на мне надет такой... халат тонкого голубого шелка. В памяти почему-то всплыло старое, полузабытое слово «капот».

Собаки терлись об мои ноги, преданно заглядывали в глаза...

И тут я увидела, что их морды испачканы чем-то красным.

Кровью. И на голубом шелке появился ржаво-красный след. Цвет крови...

Я испуганно вздрогнула.

И проснулась.

Я сидела в старом кресле посреди пустого, безлюдного дома.

В окно заглядывало раннее июньское утро, но в доме пахло не утренней свежестью, а застарелой пылью. Тело болело от сна в неудобной позе, к тому же пружины нещадно впивались в спину, но усталость немного отпустила.

Где-то в глубине дома гулко пробили часы.

Я взглянула на свои – был уже седьмой час утра...

Как меня угораздило заснуть в пустом заброшенном доме? Удивительно, что не случилось ничего плохого...

Надо выбираться отсюда!

Я отряхнула одежду от пыли, вышла из комнаты, из дома.

На мгновение задержалась на крыльце, покосилась на каменных собак. Сейчас, при свете утреннего солнца, было видно, что собак не пощадило время – они выглядели старыми, у одной было отбито ухо, у другой – нос.

Я вспомнила свой сон, где собаки были живые.

Ну да, ничего удивительного – перед тем, как заснуть, я увидела этих каменных псов, вот они и приснились мне...

И сейчас мне показалось, что их каменные пасти испачканы чем-то темно-красным...

Да нет, конечно, ерунда...

Я спустилась с крыльца, шагнула на тропинку, которая минувшей ночью привела меня в этот дом.

Трава была покрыта обильной росой, моментально намочившей мои ноги. В кустах радостно пели и щебетали птицы, приветствуя июньское утро...

Тропинка быстро вывела меня на поселковую улицу возле расколотого молнией дерева, и тут же – какая удача – я увидела бетонный козырек автобусной остановки.

Я огляделась в поисках расписания автобусов – и тут передо мной, как из-под земли, появилась рослая представительная старуха, отдаленно похожая на памятник Екатерине Великой возле Александринского театра. Если, конечно, императрицу переодеть из парадного платья в вязаную кофту и резиновые сапоги.

Вот интересно, дождей не было уже недели две, стоит жара, а она в резиновых сапогах. Но, разумеется, это не мое дело.

Старуха уставилась на меня таким взглядом, каким парящий в поднебесье орел смотрит на зазевавшегося суслика, и проговорила строгим голосом:

– Ты кто ж такая будешь?

– А вам зачем? – спросила я довольно миролюбиво, с утра не хотелось ругаться. Но бабка была настроена более чем серьезно.

– А затем, что мне надо знать, кто у нас в поселке по ночам шастает! – строго произнесла она. – А то, понимаешь ли, дома обчищают. Вот у соседки моей Марии были галоши новые куплены. Стояли себе в прихожей, тоже вот зашла одна такая вроде бы дорогу спросить, хватилась Мария потом – ан галош и нету, как корова их языком слизнула.

«Вы серьезно?» – хотела спросить я, но, взглядевшись в старухино лицо, поняла, что она настроена по-боевому, то есть хочет поругаться. Начнем мы здесь, потом подойдет автобус, бабка не уgomонится и пассажиров в свидетели позовет, если что.

А мне это совсем не нужно. Таких людей никакими криками не возьмешь, это я с детства знаю, психолог объяснял. Нужно не давать им повода, лучше показать им свою слабость, тогда они не станут развивать свой успех. Что там развивать, когда и так ясно, что они победители. Оттого, что настроились на скандал с криками и руганью, а ничего не получилось, они теряются.

Я опустила глаза и попятилась, потом переступила с ноги на ногу, показывая смущение.

– Так кто ты такая? – грозно повторила старуха.

– Я... никто... – забормотала я, – я по ошибке сюда заехала... я вообще-то Никифоровых ищу...

– Никифоровых? – недоверчиво переспросил оживший памятник. – Это которых же Никифоровых? Это Варвары Степановны детей?

– Их, – кивнула я наудачу.

– Так они уже пять лет как в Тверь переехали!

– Да что вы говорите? Значит, зря я приехала!

– Значит, зря! – припечатала бабка.

И тут на мою удачу из-за поворота появился автобус.

Я махнула рукой, он остановился. Старуха вольготно устроилась на переднем сиденье, я же поскорее прошла назад.

В автобусе сидели заспанные ранние пассажиры, кто-то дремал, кто-то уставился в свой телефон.

Я тоже достала было телефон, но вспомнила, что он разряжен. Ну, может, и к лучшему, а то небось Лешка продрал глаза и звонит, чтобы выпустить пар. Я вспомнила, с какой силой опустила на него старую табуретку, и невольно заулыбалась. Единственный приятный момент за весь вчерашний вечер. Интересно, здорово ему попало? Ну, во всяком случае, кайф я ему обломала, это точно.

Да, похоже, что наши пути с Лешей разошлись навеки, как выражаются в сериалах. Ну надо же, полгода мы знакомы, а я даже не подозревала, что он такой мерзавец. Мало того что сам решил переспать с посторонней бабой в моем присутствии, так он еще хотел меня подложить под своего приятеля! Да что же это, выходит, так и было у них задумано, Лешка нарочно меня туда привез?

А ведь было у меня такое неприятное чувство, когда он звал меня на дачу. Нужно было прислушаться и не ехать. С другой стороны, зато теперь все ясно. Куда уж яснее.

Автобус остановился у метро, я вышла и поехала к Лешке на квартиру. Хорошо, что не выложила из сумки ключи.

Как я и ожидала, его в квартире не было. Я вообще никого из соседей не встретила – лето, погода хорошая, кто на даче, кто на заливе, кто на озерах.

Управилась я быстро, просто покидала все вещи в чемодан, еще прихватила старую Лешкину сумку, с которой он ходил в зал, потом подумала немного и забрала коробку с новым сервизом, который подарила себе на прошлый Новый год.

То есть не то чтобы сервиз, но четыре такие красивые чашки, что жалко было их оставлять этому придурку. Он все равно не оценит, у него в квартире были обычные керамические кружки, одна вообще с отбитой ручкой. А я люблю пить кофе из красивых чашек и чтобы бутерброд класть на тарелочку, а не на клеенку, как Лешка поначалу делал. Ну, теперь хоть с полу пускай ест, меня это не волнует.

Таксист любезно помог мне дотащить вещи до лифта и денег лишних не взял. Дом, милый дом! Я вздохнула и нажала кнопку своего шестого этажа.

В этом доме я росла, сюда привезли меня из роддома, во дворе был садик, куда меня отдали в три года, в соседнем дворе – школа, где я училась с первого по третий класс. Потом все изменилось, мы переехали, но об этом после.

Дом у нас самый обычный, девятиэтажный, на всех этажах в подъезде по две квартиры отгорожены тамбурами, и только у нас на шестом никакой двери нет. Потому что у нас коммуналка, такие в обычных домах редки. Вот в старом фонде их еще много. Как так вышло, долго объяснять, да и не время сейчас.

Итак, пыхтя и ворча про себя, я перетащила вещи к двери квартиры и достала ключи. Дверь не открывалась.

Понятно, заперта изнутри на задвижку. Задвижку эту поставил один из жильцов пару лет назад, почему-то он был очень озабочен собственной безопасностью. Потом он съехал, в нашей квартире жильцы долго не задерживаются. Поэтому и соседи не стали дверь на лестницу ставить из-за того, что платить согласилась только я.

Я позвонила в дверь, звонок, как ни странно, работал. Ну, раз на задвижку закрылись, значит, кто-то в квартире есть. Однако никто не спешил открывать дверь.

Я позвонила еще и еще. Никакого эффекта.

Тогда я бухнула в дверь ногой. Получилось не очень громко, потому что на мне были кроссовки. Однако открылась дверь соседней квартиры, и выглянула Алевтина Ивановна.

– Стучишь? – спросила она вместо приветствия.

– Угу, – ответила я, – стучу, раз не открывают.

Алевтина посоветовала мне стучать сильнее, потому что Нинка точно дома, раз на задвижку заперлась. И никого у нее нет, сына отправила к бабке в деревню, а сама все мается, хочет мужика завести хоть какого-нибудь завалищего, да только никто на ее пути не встречается. А которые все же приходят хоть на вечер время провести, то уж такое барахло, что сразу видно.

Алевтина Ивановна знает меня с детства, в этом-то и беда. Потому что обстоятельства мои ей прекрасно известны. И она не устает рассказывать о них всем и каждому. То есть тем,

кто еще не в курсе, а именно: каждый новый жилец нашей квартиры должен непременно выслушать всю историю. Подробно, с живыми описаниями.

Жильцы в нашей квартире меняются часто, так что Алевтина простаивает недолго.

Не дождавшись от меня проявления интереса по поводу Нинкиной личной жизни, Алевтина сунула мне зонтик с металлической ручкой, и дверь ответила на удары негодующим гулом.

Наконец я услышала какое-то движение в глубине квартиры. Скрипнула дверь, зашумела вода, послышались неторопливые шаркающие шаги.

Я потеряла терпение и держала руку на кнопке звонка до тех пор, пока Нинка не открыла дверь. Была она всклокоченная, с размазанной тушью, в розовом махровом халате на голое тело.

– Ты? – удивилась она.

Нет, мои милые соседи никогда не утруждают себя приветствием, слова «здравствуйте», «доброе утро» и даже хотя бы «привет» им незнакомы.

– А кто же еще? – буркнула я в таком же духе.

– Чего ломишься в такую рань, людям спать не даешь? – Нинка была зла спросонья.

– Какая рань, одиннадцатый час уже, могла бы хоть задвижку открыть! Запираешься все, что у тебя красть-то?

– Это точно, – хихикнула с лестницы Алевтина.

Мы с Нинкой переглянулись, быстро втащили мои вещи в квартиру и захлопнули дверь перед носом дорогой соседки. С нашей Алевтиной нужно держаться осторожно, не давать ей никакой информации, иначе потом такое про себя во дворе услышишь...

– От Валерки никто не приходил? – спросила я, но Нинка тут же прижала палец к губам, потом сбросила тапки и босиком прокралась к двери. Я прислушалась и уловила за дверью осторожное сопенье. Ага, Алевтина на посту.

Мы тихо удалились на кухню, где Нинка поставила на плиту кофе. Тут мы с ней сходимся, жить не можем без кофе. Я вспомнила, что прихватила у Лешки еще пачку «робусты», глядя на которую Нинка слегка подобрела. Она полезла в холодильник и выставила на стол блюдо бутербродов с копченой колбасой и рыбой.

– А сыра, случайно, нету? – спросила я, потому что колбасы мне и вчера хватило.

Нинка покачала головой, а я сопоставила бутерброды, ее несмытый макияж и поняла, что Алевтина была права: вчера Нинка ждала гостя, а он ее продинамил. Что ж, дело житейское.

Нинка еще поискала в холодильнике и нашла кусок засохшего сыра, мигом натерла его на терке и сделала горячие тосты. Вот этого у нее не отнимешь, может из ничего приготовить что-то приличное в отличие от меня.

– Тебя что, хахаль бросил? – прямо спросила она после первой чашки кофе.

– Вроде того... – Я вовсе не собиралась посвящать ее во все подробности прошлой ночи.

Она только вздохнула. Нинка – баба невинная, только никак не может устроить свою личную жизнь. Два раза была замужем, и все, по ее собственным словам, попадались какие-то козлы. И тут я ей верю, потому что видела пару раз мужиков, что жили у нее, один две недели, другой – вообще три дня. Точно – форменные козлы, причем очень похожи один на другого – морды ящиком, руки длинные, ладони как лопаты, ноги сорок пятого размера.

Поэтому, когда я собралась окончательно переезжать к Лешке, Нинка жутко завидовала, цеплялась ко мне по пустякам и утром нарочно надолго занимала ванную. И вот теперь, сообразив, что я вернулась, Нинка не стала злорадствовать.

– Какие твои годы, – вздохнула она, – еще найдешь кого-нибудь...

Я только отмахнулась, потом велела Нинке Лешку в дом не пускать, если он заявится, и по телефону с ним не разговаривать. Нинка обещала все выполнить, и я пошла к себе, чтобы разобрать вещи.

В комнате было довольно чисто, потому что я договорилась с Валеркой, третьим жильцом нашей квартиры. Валерка живет у жены, а комнату постоянно сдает и мою обещал сдать хотя бы на время. Вот я и прибралась. Теперь еще с Валерой придется разбираться. Пока же я порадовалась, что не оставила в комнате свинарник.

Комната эта в свое время досталась мне от бабушки. И так получилось, что мать об этом узнала, то есть я вообще-то и не скрывала, до того удивилась.

С бабушкой мы не общались, но об этом после. А пять лет назад позвонила одна женщина и сказала, что Мария Михайловна Беркутова оставила мне комнату в квартире по адресу... вот по этому самому адресу, где я жила с самого детства, ходила в садик во дворе и в школу вон там, из окна видно. Но про это я уже говорила.

А тогда я так удивилась, что женщина спросила, говорит ли мне что-то это имя. Собственно, Беркутова мне много чего говорила, поскольку это моя собственная фамилия. Алиса Беркутова – это я. Алиса Дмитриевна Беркутова. Так что по всему получалось, что эта самая Мария Михайловна – моя бабушка, мать отца.

И я вспомнила. Злое, недовольное, красное лицо, распахнутый в крике рот, вокруг валяются битые тарелки, и из этого рта вылетают такие слова...

Я уже давно выросла и наслушалась за свою жизнь всякого, но, вспомнив про последнюю встречу с бабушкой, я вздрогнула. И на меня накатило.

Я ребенок, я иду куда-то, спотыкаясь, потому что на голове у меня наброшено колючее одеяло. Я иду босиком, в пижаме, меня подталкивает чья-то чужая рука, я чувствую запах. Какой-то сладковатый, но это вовсе не конфеты. От этого запаха мне становится плохо, подкапывает тошнота, колени подгибаются, кто-то рядом со мной чертыхается, меня подхватывают сильные руки, но это не отец, потому что от мужчины пахнет табаком, а папа никогда не курил.

Я очнулась с плакающей трубкой в руках, и тут-то подскочила мать и вызнала у меня все по горячим следам. Отчего-то она не захотела поехать со мной, и только потом я поняла почему.

Сейчас я с трудом очнулась от воспоминаний и решила разобрать вещи. Потом надо будет в магазин сходить и позвонить мастеру насчет машины.

И вот когда я разложила вещи по полкам старого, еще бабушкиного шкафа, то хватилась очков.

Ну да, говорила уже, что у меня близорукость. Очки у меня для дали, ну и машину водить тоже полагается только в них. Линзы как-то мне не подходят, от них глаза воспаляются, и я становлюсь похожей на заплаканного кролика.

Очков не было нигде – ни в сумках, ни в чемодане. Неужели я забыла их у Лешки? Это большая неприятность, теперь нельзя просто послать его подальше, очков мне жаль, потому что оправка дорогая и они нужны мне срочно, пока рецепт у врача получишь, пока закажешь в оптике... Черт, ну как же неудачно все получилось.

Я заставила себя успокоиться и стала вспоминать.

У Лешки я очки не доставала из сумки, так что и забыть их у него не могла. Но вот сегодня утром в том пустом доме... я надевала их вечером, потом заснула, а утром... я же точно помню, что положила их в сумку, хоть и торопилась уйти из пустого дома!

Я вытряхнула все из сумки на диван.

Вот косметичка, вот ключи от этой квартиры и комнаты, вот кошелек, вот пачка салфеток, вот водительские права, вот расческа, вот какие-то квитанции и рекламные буклеты... а это что?

В руке у меня был футляр для очков. Но не мой, потому что этот был старый, тисненая кожа сильно протерлась на сгибах и застежка еле держалась. А мой был новый, твердый снаружи и мягкий внутри, чтобы не поцарапать стекла очков.

Очень осторожно я открыла футляр и достала из него какую-то странную конструкцию.

Несомненно, это были очки, то есть два круглых выпуклых стеклышка были соединены дужкой, которая, надо полагать, надевалась на нос. И сбоку еще такая длинная палочка, или ручка, чтобы придерживать всю конструкцию, иначе она упадет. Что это такое? «Пенсне?» – вспомнила я забытое слово.

Да нет, пенсне вроде бы само на носу держалось. В старых фильмах показывают, что не было у пенсне никакой палочки. «Берегите пенсне, Киса!» И вроде там у артиста Филиппова пенсне просто так на носу держалось.

Ну-ну, а я-то тут при чем? Тем более что это не пенсне, а... ой, вспомнила, кажется, это называется лорнет! Надо же, чего только в голове не удержится!

Я устала на лорнет (если, конечно, это был именно он) в полном изумлении. Как он попал ко мне в сумку? И где, черт возьми, мои собственные очки?

Так, выходит, что сегодня утром я вместо своих очков схватила вот это самое, что лежало на столе. А мой футляр остался там. Вместе с очками.

И вот что теперь делать? Начинать мороку с новыми очками? Так это когда еще будет, а мне они нужны буквально завтра. Ну, или послезавтра, когда мастер обещал закончить ремонт машины.

Да. Как ни отгоняла я от себя эту мысль, но все же придется снова ехать в тот дом. И забрать там очки. А вась собачки меня не тронут, они каменные.

– Куда тебя несет? – Нинка выглянула из ванной.

– В магазин, я быстро! – крикнула я уже из-за двери.

На улице возле подъезда топталась Алевтина Ивановна, так что пришлось рвануть в сторону и обойти дом.

Николай вошел в бабушкину комнату, и у него, как всегда, перехватило дыхание от царивших там запахов. Пахло здесь давно увядшими цветами, и духами, которые были в моде бог знает когда, и какими-то лекарствами, и, как ни странно, коньяком, и еще чем-то трудно-уловимым – может быть, так пахнет сама старость.

Николай не любил эту комнату – все эти статуэтки, табакерки, вазочки, флакончики, салфеточки, гравюры в серебряных рамках... все это напоминало ему о неизбежной, неотвратимой старости, а эта мысль была ему отвратительна.

Бабушка, как обычно, сидела за своим любимым столиком – она называла его ломберным – и раскладывала свой бесконечный пасьянс с длинным французским названием.

Как всегда, бабка была при параде – кружевная блузка, застегнутая под горлом брошью из слоновой кости, аккуратно уложенные голубоватые волосы, на шее – бирюзовое ожерелье, скрюченные артритом пальцы унизаны перстнями.

Наверняка все это барахло стоит немалых денег...

– Здравствуй, Николя! – проворковала бабушка, оторвавшись от пасьянса, и протянула ему руку.

Николай коснулся губами пергаментной, в пигментных пятнах кожи, вблизи разглядел перстни – да, брюлики что надо.

– Как твои дела, Николя? Ты по-прежнему играешь?

– Ну, ты же знаешь, ба, это сильнее меня... ты-то меня должна понимать... ты ведь сама, говорят, была та еще картежница... вот, кстати, ба, ты не подкинешь мне немного денег? Понимаешь, мне выпал просто ужасный расклад...

– Но, Николя, я не печатаю деньги!

– Но, ба, неужели ты не выручишь своего любимого внука? Ведь ты тоже играла и понимаешь, каково это...

– Извини, Николя, но я выигрывала, и всем, что имею, я обязана игре. А ты, мой дорогой, постоянно проигрываешь! У меня складывается впечатление, что мой любимый внук –

неудачник. А это скверно... мне нравились разные мужчины – красивые и уродливые, сильные и слабые, умные и глупые, но неудачники мне никогда не нравились!

– Но, ба, в следующий раз мне непременно повезет! Дай мне еще один шанс... мне нужно еще немного денег...

– Ты говорил мне это уже много раз. И каждый раз снова проигрывал. Я не могу и не хочу окончить свою жизнь в нищете...

– Так что – ты мне не поможешь? Тогда у меня останется единственный выход – самоубийство...

– Ох, Николая, не надо этих пошлых сцен! Я их ужасно не люблю – почти так же, как неудачников. И ты никогда не самоубьешься – для этого ты слишком труслив...

– Вот увидишь...

– Поймай, Николая, я еще не закончила...

Старуха переложила на столе несколько карт и продолжила:

– Я помогу тебе – как-никак ты мой любимый внук...

– Ты дашь мне денег? – Николай вздохнул с облегчением.

– Нет, денег я тебе не дам... я помогу тебе другим способом.

Николай разочарованно и недоверчиво взглянул на старуху.

Только сейчас он заметил, как она похожа на пиковую даму из карточной колоды. На сильно состарившуюся пиковую даму.

Старуха переложила еще несколько карт и довольно потерла морщинистые руки:

– Сошелся! Так и быть, я тебе помогу играть и выигрывать.

– Как это?

– Знаешь, Николая, я происхожу из очень знатной семьи...

«Ну вот, завела шарманку! – недовольно подумал Николай. – Будет теперь рассказывать про свою легендарную прапрабабку... но придется слушать – может быть, тогда она все же расщедрится и в конце концов даст мне денег. Хоть сколько-то, я весь в долгах...»

– Да, из очень знатной. Моя прапрапра-... очень много раз прабабка была герцогиней. Но не это самое интересное. У нее была одна вещица... лорнет...

Старуха замолчала, задумавшись.

– Ба, я здесь! – напомнил о себе Николай.

– Да-да... этот лорнет каким-то образом позволял ей... в общем, с ним она всегда выигрывала в карты. И не только в карты.

– Ба, но это семейная легенда...

– Я тоже так думала. Думала, пока не нашла этот лорнет в вещах своей бабушки...

Николай фыркнул. Представить, что у его бабки... у этой старухи тоже была бабушка... это было забавно. Хотя, конечно, у всех когда-то была бабушка, но одно дело понимать это умозрительно, другое же – представить на практике.

– Да, так вот, я нашла этот лорнет и научилась им пользоваться. И с того дня я больше никогда не проигрывала.

Николай взглянул на нее недоверчиво.

Старуха поморщилась и проговорила:

– Твое дело – верить или не верить мне, но я уже говорила тебе – все, что я имела и имею, я приобрела при помощи этого лорнета. Все, что ты видишь, – доказательства моей правоты.

– И где же сейчас этот лорнет?

– Увы, я его потеряла.

Николай почувствовал злость и разочарование. Только было у него появилась надежда – и ее отняли... Ай, врет все бабуля, просто ей поговорить хочется.

– Как можно потерять такую ценную вещь? – Он все же решил подыграть старухе.

– Мне казалось, что лорнет сам покинул меня. Может быть, я слишком активно им пользовалась, не знаю.

– Так о чем тогда ты говоришь, ба? Где-то когда-то был волшебный лорнет... мне-то какая с него польза?

– А ты послушай меня, дорогой. Я умею читать карты, и они часто подсказывают мне важные и полезные вещи. И сегодня карты сказали мне, что лорнет герцогини снова появился. Сейчас я еще раз разложу свои карты...

Она достала из ящика новую колоду, перетасовала ее и принялась раскладывать на столе, что-то бормоча по-французски.

Николай смотрел на нее со смешанным чувством: с одной стороны, ему казалось, что старуха окончательно сошла с ума, да и он сам свихнулся, если всерьез верит в ее слова, но с другой стороны... в его душе росла вера в то, что заветный лорнет решит все его проблемы.

Наконец старуха закончила раскладывать карты.

Она повернулась к внуку и проговорила:

– Вот и все. Карты мне все рассказали. Сейчас в центре всей этой истории молодая женщина... вот она! – Скрюченный палец ткнул в бубновую даму. – Ты должен найти ее и вернуть лорнет. Лорнет ты принесешь мне...

– Но ты говорила, что...

– Ты принесешь его мне, и тогда я тебя научу, как им пользоваться.

– Хорошенькое дело! Я должен найти какую-то бубновую даму... какую-то женщину, о которой ничего не знаю. В общем, пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

– Ты никогда не умел делать две важные вещи. Не умел ждать и слушать. Карты сказали мне гораздо больше. Ты сможешь найти эту женщину, если внимательно меня выслушаешь...

Николай слушал старуху – и с каждым ее словом надежда расцветала в его сердце.

Когда она закончила, Николай проговорил:

– Ба, я все сделаю, но мне все же понадобятся деньги. Хотя бы немного. Накладные расходы, то да се...

– Хорошо, я дам тебе – но смотри, если ты потратишь их на игру, можешь вообще забыть мое имя и адрес!

– Я тебе обещаю, ба!

Выйдя от старухи, Николай задумался.

Бабкин рассказ выглядел безумно, но чем черт не шутит? В жизни и не такое бывает... Мелькнула мысль бросить все и бежать с этими деньгами в подпольное казино, поставить там. А вдруг? Но нельзя, потому что, если опять не повезет, сюда ему вход будет закрыт навсегда.

Бабка однозначно дала понять, что больше не даст денег. А Николя знает, что она хоть и стара, но прекрасно соображает, и слово ее твердое.

Так что его единственный шанс – это найти лорнет. Точнее, отобрать его у той девки, бубновой дамы.

Правда, самому заниматься этим делом ему не хотелось. Как-то все это муторно, неприятно. Но ведь всегда можно найти кого-то, кто сделает за тебя неприятную работу...

В тот же день Николай пришел в рюмочную на Лиговском проспекте.

В своем дорогом пиджаке и начищенных ботинках он казался здесь белой вороной.

Оглядевшись по сторонам, он подошел к столику в дальнем углу, за которым сидели двое – приземистый толстяк с красной физиономией и выпученными глазами и крепко сбита бабенка в зеленой вязаной кофте. Перед ними стоял графинчик водки, две рюмки и тарелка с традиционной закуской – крупно нарезанной селедкой и отварной картошкой, посыпанной укропом.

Николай придвинул к столу третий стул и подсел к сладкой парочке.

– Здравствуйте, Николай Леонидович! – произнес толстяк, моргая глазами.
– Выпиваете, значит? – осведомился Николай.
– Культурно отдыхаем, – уточнила женщина.
– Может, вам тоже рюмочку налить?
– Обойдусь. А я проходил мимо – дай, думаю, зайду, повидею старых друзей. Может, они мне долг хотят отдать.

– Ну, Николай Леонидович! – Толстяк развел руками. – У нас с Марусей временные финансовые затруднения. Но мы вам непременно отдадим, как только...

– Как только рак на горе свистнет.

– Ну, зачем же так грубо! – обиженным тоном проговорил толстяк. – И вообще, не знаю, при чем тут какой-то рак... я раков только под пиво употребляю...

Николай оглядел стол и добавил:

– Значит, на выпивку и закуску у вас деньги есть, а долг отдать вы не можете?

– Ну, разве же это деньги?

– Ладно. У меня к вам есть деловое предложение. Я вам прощу долг и даже заплачу приличные деньги, если вы для меня сделаете кое-какую работу...

Парочка внимательно выслушала его предложение.

– Ну как, возьметесь?

– А что? – оживился толстяк. – Дело плевое, сделаем, не сомневайтесь...

Его подруга посмотрела недовольно и даже пнула толстяка в бок. Повернувшись к Николаю, она проговорила:

– Может, и сделаем, но только нам аванс нужен. Чтобы зря не суетиться. А то сделаем дело, а денежки...

– Будет вам аванс! – Николай порадовался, что все же выклянчил у бабки денег.

Молодой виконт де Мариньи вошел в гостиную. Большая комната была обставлена с чрезвычайным изяществом, и в ней присутствовали сливки парижского общества.

Виконт подумал, что зря пришел сюда, куда лучше было бы провести вечер в обществе своей подружки, белошвейки Аннеты. Впрочем, положение обязывает...

В центре комнаты в обитом пурпурным шелком кресле восседала хозяйка, герцогиня де Рошфор.

Женщина не первой молодости (ей было уже за тридцать), она была красива зрелой, изысканной красотой, которой придавала особую пикантность мушка над верхней губой.

За спиной у нее стоял смутно знакомый молодой дворянин со смуглым лицом и узкими губами.

Герцогиня разговаривала с аббатом Дарио, который слушал ее с чрезвычайным вниманием. Однако она прервала этот разговор и повернулась к вошедшему, поднесла к глазам изящный золотой лорнет и проговорила:

– О, виконт, я рада, что вы почтили нас своим присутствием! Хотя, наверное, в обществе белошвейки вам было бы веселее...

Виконт, который собрался уже осыпать герцогиню дежурными комплиментами, поперхнулся.

Откуда она знает про белошвейку?

Впрочем, молодые люди все одинаковы...

– Думаю, Аннета нас простит! – прошептала герцогиня и повернулась к аббату. – Так вы говорите, тосканский посланник твердо обещал вам это? Ему можно верить?

– Он человек слова!

– Да, но только повторяет это слово раз за разом. И почему это он так хорошо помнит свои похождения при папском дворе и никак не запомнит, сколько раз уже о них рассказывал?

*Виконт по инерции прошел еще несколько шагов.
Но откуда она знает имя его румяной подружки?*

Выходит, не зря про герцогиню говорят, что она видит людей насквозь...

Он справился с удивлением, подошел к хозяйке салона, прикоснулся к ее руке губами и проворковал:

– Очарован!

– Скорее удивлен, – ответила та вполголоса. – Виконт, вы составите нам с аббатом компанию в ломбер?

– Со всем удовольствием!

Виконт сел к ломберному столику, аббат сдал карты.

Виконт взглянул на свои карты и подумал, что вечер будет для него удачным: расклад явно ему благоприятствует. А ему сейчас не помешало бы немного наличных...

Правда, его старинный друг Альбер де Монморанси говорил, что с герцогиней лучше не играть в карты, но Альбер часто бывает излишне осторожен...

Герцогиня перевела взгляд на аббата и проговорила:

– Пожалуй, я играю против вас с виконтом. Хотя у вас, виконт, шпатель, но не думаю, что это вам поможет.

Виконт удивленно взглянул на хозяйку: откуда она знает, что у него на руках шпатель, старший козырь? Хотя про нее говорят, что она видит людей насквозь, но не до такой же степени!

Как бы то ни было, карты у него очень сильные, и он непременно выиграет сегодня. Проиграть он просто не может – и так он весь в долгах...

Однако, несмотря на сильные карты, он проиграл первый роббер, а затем и второй. Казалось, герцогиня предвидит каждый его ход и заранее знает все карты.

К концу вечера на зеленом сукне были написаны цифры долга.

– Вам удобно расплатиться сейчас же? – деловито осведомилась герцогиня.

– Ах, простите, мадам, я взял с собой мало наличности. Но я завтра же с утра заеду к вам и занесу...

– Завтра с утра? – переспросила хозяйка. – Это вряд ли. Завтра с утра вы отправитесь к своему дядюшке просить у него денег. Но он вам на этот раз не даст, потому что очень много потратил на свою молодую любовницу...

Герцогиня взглянула сквозь лорнет на изумленное лицо молодого виконта и расхохоталась:

– Вы же наверняка слышали, что я вижу людей насквозь!

– Но не столь буквально... и не всегда можно верить тому, что говорят в свете.

– Кстати, о вашем дядюшке. О таких как он говорят, что они все делают невпопад, не вовремя и не к месту, а самое главное – не умеют вовремя умереть...

Виконт сдержанно улыбнулся удачной шутке и подумал, что на сегодня с него достаточно остроумия.

Он сам не раз думал, что дядюшка чересчур зажился на свете, но одно дело – его тайные мысли, и совсем другое – когда то же самое говорит светская дама...

А вообще, неплохо было бы поторопить дядюшку. Если бы он ненароком свалился с лошади... или выпил какое-нибудь ядовитое зелье...

Виконт даже представил себе маленький хрустальный флакончик.

И тут же почувствовал на себе чей-то взгляд.

Он испуганно оглянулся, словно его застали за чем-то предосудительным, и увидел хозяйку салона.

Герцогиня смотрела на него через свой лорнет.

Виконт направился к выходу, когда рядом с ним возник смуглый дворянин, поклонился и вполголоса проговорил:

– Госпожа герцогиня просила передать вам, что не станет настаивать на возвращении долга.

– Как так? – Виконт вспыхнул. – Карточный долг – это долг чести! Что обо мне станут говорить...

– Ничего не станут. Не беспокойтесь, ни одна живая душа об этом не узнает. Госпожа герцогиня обставит все так, как будто вы своевременно вернули ей долг.

– За что мне такая поблажка?

– Госпожа герцогиня надеется, что вы станете друзьями, и когда ей понадобится от вас какая-нибудь небольшая услуга, вы не преминете ее оказать.

– Я и так не отказал бы даме!

– Ну, значит, вам будет совсем несложно выполнить ее просьбу.

Виконт хотел что-то ответить, но смуглый незнакомец понизил голос и проговорил доверительно:

– И вот еще что. Герцогиня просила передать вам вот этот флакончик...

Он вложил в руку виконта маленький хрустальный пузырек.

– Что это? Духи? – Виконт удивленно смотрел на флакон. Он был точно такой, какой виконт только что себе представил.

– Можно и так сказать. Но будьте осторожны с этими... духами. Если вы капнете из флакона в бокал вашего дядюшки, многие ваши проблемы благополучно решатся.

Виконт побледнел, хотел возмутиться, но смуглый незнакомец уже исчез.

Выйдя из метро, я вспомнила номер автобуса, на котором ехала утром.

Без труда нашла его остановку, подождала минут двадцать и, наконец, поехала сначала по городу, потом по знакомым улочкам между старыми дачами и загородными домами. Вот интересно, вроде бы гораздо ближе к городу, чем та дача, куда привез меня вчера Лешка, но вот стоит же тут такой заброшенный дом, и никто его не трогает, хоть дверь открыта. Бомжи бы обязательно поселились...

Теперь главной моей задачей было не пропустить нужное место...

Несколько раз мне казалось, что я узнала то один дом, то другой.

Но наконец я увидела расколотое молнией дерево и бросилась к выходу из автобуса.

Водитель немного поворчал, но остановился.

Я подошла к дереву, огляделась.

Да, вот та самая тропинка, по которой я вышла на дорогу...

Я пошла по ней между разросшимися кустами шиповника, боярышника и сирени.

Шиповник цеплялся за одежду, норовил поцарапать лицо – но я решительно шла вперед...

Наконец тропинка оборвалась, я оказалась на просторной поляне...

Но дома передо мной не было.

Но как же так?

Ведь я хорошо помню его! Помню высокое крыльцо, по сторонам которого сидели две каменные собаки... помню, как утром бежала оттуда по этой вот тропинке... ну да, еще дерево сломанное, на нем ворона сидела...

Дерево есть, вот оно, вороны нет, но это ничего не значит. Итак, поляна та самая, но где же дом?

На всякий случай я прошла еще немного вперед – но на поляне не было никаких следов дома, не было ни развалин, ни старого фундамента – вообще ничего.

Ну, значит, я ошиблась, пошла не по той тропинке.

Другого объяснения нет и быть не может.

Я вернулась к расколотому дереву, огляделась вокруг...

Никакой другой тропинки от него не шло. Все же я прошла немного по шоссе, но дальше было с него просто не сойти из-за канавы, заполненной ржавой вонючей водой. Тогда я пошла в другую сторону и увидела неподалеку стеклянный павильончик продовольственного магазина.

В таких магазинчиках обычно все знают, а уж про старый дом мне наверняка скажут... Хотя что они могут сказать, если дома нет?

Здравый смысл и элементарная осторожность подсказывали мне, что нужно проститься с очками и сесть на обратный автобус, но я не прислушалась и вошла в магазин.

За прилавком стояла монументальная продавщица. Все у нее было крупное, и всего было много: нос картофелиной, глаза как блюдца, да еще подведенные до висков, брови как две черные гусеницы, губы щедро намазаны красной помадой, волосы стояли как наэлектризованные.

Перед ней суетился хлипкий старичок в старомодной потертой шляпе.

– Зинаида Павловна, – говорил он, заметно шепелявя, – это ведь нехорошо, когда такая интересная женщина, как, например, вы, живет одна. Женщине непременно нужен спутник жизни.

– Леонид Парфенович, – отвечала ему продавщица усталым голосом, – я с вами, может быть, и согласна, да где же его взять, спутника?

– А вы, Зинаида Павловна, оглядитесь по сторонам, может быть, и увидите.

Продавщица послушно огляделась, даже заглянула под прилавок, потом пожала мощными плечами:

– Сколько ни оглядываюсь, ничего подходящего не вижу!

– А вы, Зинаида Павловна, лучше приглядитесь! Может быть, он как раз совсем близко. – И старичок приосанился, поправил шляпу и многозначительно посмотрел на продавщицу.

Я подошла к прилавку и деликатно проговорила:

– Можно у вас спросить...

– Девушка, – строго произнесла продавщица, – вы видите, что я обслуживаю человека в порядке живой очереди? Вот обслуживаю, тогда и спрашивайте!

В это время дверь павильона снова распахнулась, и в него ввалилась раскрасневшаяся тетка в розовом спортивном костюме.

– Зин! – выпалила она с порога. – Отпусти мне срочно чего-нибудь холодного, а то я прям сейчас лопну.

– Холодного? – с интересом переспросила продавщица. – Никак ты опять с Анатолием поссорила?

– Да ты чего, Зин? – фыркнула розовая особа. – При чем тут Анатолий, когда он сегодня на сутках?

– А тогда что с тобой такое случилось?

– Ох, и не спрашивай!

– Ну, если ты не хочешь, не буду... а все ж таки, что с тобой такое стряслось?

– Представляешь, моя Мальвинка гулять запросилась не в свое время. Видно, съела что-то не то. Она вечно ест что ни попадя... уж как я ее ругаю и поводком шлепаю, а все норовит какую-то дрянь сожрать. Вот на той неделе...

– Ты, Татьяна, не отвлекайся на постороннее! – одернула ее продавщица. – Ты хотела рассказать, что с тобой случилось, а сама на собаку свою перекинулась...

– Ничего не перекинулась, а если и перекинулась, значит, так надо! И собака моянисколько не посторонняя, а самая что ни на есть близкая. В общем, вывела я Мальвинку гулять, а она, вместо того чтобы свои дела по-быстрому сделать, потащила меня к тому пустырю, который возле старого дома Клавдии Васильевны... ну, который сгорел двадцать лет назад, после поминок...

– Опять ты отвлекаешься! А меня, между прочим, люди ждут в порядке живой очереди! – И продавщица покосилась на меня.

Я попыталась воспользоваться ее вниманием и задать свой вопрос, но тетка оттеснила меня от прилавка.

– Ничего не отвлекаюсь! – возразила она продавщице. – Ничего не отвлекаюсь, а как раз подхожу к самому что ни на есть главному. Значит, я ее тащу к дому, а она меня – к пустырю, а моя Мальвинка, когда захочет, может слона пересилить. В общем, затащила она меня к тому пустырю, я смотрю – там машина стоит.

– Машина? – с интересом переспросила продавщица. – Участкового, что ли? Это, значит, он снова стал к Ксении навеваться?

– Да ничего не участкового! – отмахнулась Татьяна. – У участкового серенькая такая машинешка, а тут – прямо красота, вся переливается, как майский жук!

При этих словах я насторожилась и вся обратилась в слух. Машина вся переливается, опять же где-то поблизости я выбежала из нее.

Татьяна же продолжила:

– Стоит, значит, машина, и дверцы у нее открыты. И моя Мальвинка прямо к этой машине подбежала, уселась возле нее и завывала.

– Завывала? Это не к добру!

– Вот и я о чем. Я скорее подошла, вижу – в машине сидит кто-то, внутри подробностей не видно, но вроде как мужчина. Сидит и не шевелится. А Мальвинка моя волком воет...

– Это не к добру! – повторила продавщица.

– Я, значит, наклонилась и говорю: «Мужчина, вам, может, нехорошо? Может, вам воды нужно или другого чего?»

– А он?

– А он не отвечает, и я смотрю – весь пиджак у него в чем-то темном измазан. А когда пригляделась получше – батюшки, да он весь в крови, и горло у него прямо разорвано!

– Разорвано? – в сладком ужасе переспросила продавщица, и глаза ее стали еще больше, теперь они напоминали не блюдца, а десертные тарелки. – Кошмар какой!

– Именно что кошмар! Я попятилась, а тут Мальвинка мне под ноги подвернулась, так я прямо на нее села. Потом хотела домой бежать, чувствую – ноги не идут. Ну, тут я вспомнила, что Ксении дом близко, кое-как до нее добрела, в окно постучала. Тут как раз участковый выглянул...

– Значит, все-таки ходит он к Ксении...

– Значит, ходит. Выглянул и говорит: «Что ты шумишь? Я тут, может, профилактическую работу провожу, а ты шум поднимаешь!»

А я ему: «Какая, к оладьям, профилактическая работа, когда у вас прямо под носом труп имеется!»

Тут он, конечно, быстро про свою профилактику забыл, оделся по форме и побежал со мной к той машине. Осмотрел покойника и говорит: «Непременно его дикие звери загрызли!»

Я ему: «Какие у нас дикие звери? У нас в поселке, кроме Пашки Солуянова, никаких больше зверей не имеется!» А он меня не слушает, звонит по своему начальству, чтобы непременно группу выслали эту... оперативную. А я было домой собралась, так он мне: ни-ни, жди их, потому как ты главный свидетель...

Я буквально окаменела от таких новостей. Конечно, была надежда, что тетя все врет. Цену себе набивает, интересничает. С другой стороны, уж больно гладкий у нее получается рассказ. Машина приметная, маловероятно, что это совпадение. Насчет диких зверей тетя, конечно, от себя прибавила, но то, что мужик мертвый... Неужели ему стало плохо от моего баллончика?

Тут к разговору подключился тот потертый старичок, который незадолго до того обхаживал продавщицу:

– Это, Татьяна, ты зря говоришь насчет диких зверей. Дикие звери в нашей местности имеются, конкретно – проходные волки. Помню, мы с Анной Ивановной, покойницей, за грибами пошли, да дорогу потеряли, и пришлось нам в лесу заночевать...

– Эка вы, Леонид Парфенович, вспомнили! – перебила его продавщица. – Сколько лет уж вашей супруги нет?

– Сколько? Да совсем немного... – Старичок начал что-то шептать, загибая пальцы. – Двенадцать... или нет, тринадцать...

– По-моему, четырнадцать.

– Да хоть бы и так, что с того?

– Так последние годы она за грибами разве ходила? Не ходила! Последние годы она дальше калитки ни ногой. Так что вы с ней не меньше чем двадцать лет назад в лесу ночевали.

– Ну, даже если двадцать, что с того?

– Так если двадцать лет назад и были в наших местах какие-то походные волки...

– Не походные, а проходные!

– Хрен редьки не слаще! Так если и были, сейчас их точно нет. Перебрались в труднодоступные районы.

– А потом, – вмешалась в дискуссию Татьяна, обиженная тем, что у нее отняли всеобщее внимание, – а потом, как вы себе представляете, эти ваши приходящие волки машину остановили? Лапу подняли, попросили подвезти до зоопарка?

– Ну, уж это я не знаю... – стушевался Леонид Парфенович. – А тогда кто же его, по вашему, загрыз?

Татьяна обвела всех присутствующих горящим взглядом и проговорила, таинственно понизив голос:

– Я так думаю, что оборотень!

Я больше не слушала.

Тихонько, незаметно я отступала к двери.

В ушах у меня звучали слова заполошной Татьяны: «Машина переливается, как майский жук...»

Это точно та самая машина, в которую я села, выбежав из дома, куда завез меня Лешка!

«Он весь в крови, и горло у него разорвано...»

И тут перед моими глазами возникла картина из моего сна. Две огромные собаки подбегают ко мне, и морды у них перемазаны чем-то красным... кровью!

Но ведь это был всего лишь сон!

Я наступила на брошенный пакет из-под чипсов, он зашуршал, меня тотчас заметила продавщица и проговорила:

– Девушка, а вы чего хотели?

– Ничего... я передумала... – Я хотела уже выскользнуть из магазина, но прямо в дверях натолкнулась на рослую, монументальную старуху, похожую на памятник Екатерине Великой.

Ту самую старуху, с которой встретила утром, убегая из таинственного дома. И сапоги резиновые были на ней те же самые.

Я попыталась и попыталась сделаться незаметной.

Не получилось. Старуха уставилась на меня орлиным взором и проговорила:

– Опять ты?

– Нет... не я... – пискнула я едва слышно.

– Снова Никифоровых ищешь? – грозно спросила она.

– Не... нет... – Я стушевалась и отступила в угол.

В это время дверь магазина снова распахнулась, и в него вошел рослый плечистый мужчина в клетчатом пиджаке.

– Всем привет! – проговорил он бодрым голосом, окинув присутствующих цепким взглядом. – Сигареты тут купить можно или они только по предварительной записи?

– Разумеется, можно! – оживилась продавщица и кокетливым жестом поправила волосы. – Вам какие?

– Да какие найдутся.

– Покрепче или легкие?

– Покрепче.

Мужчина облокотился о прилавок, снова оглядел всех и произнес с расстановкой:

– Смотрю, вы уже в курсе событий.

– Это смотря каких! – пискнула оробевшая Татьяна.

– Известно каких. Думаю, в вашем поселке не каждый день трупы находят.

– Слава богу, не каждый! – подхватила продавщица.

– Так вот, раз уж я здесь оказался, я хочу каждого из вас лично и всех вместе спросить, не видели ли вы сегодня утром кого-то или чего-то необычного.

Все ясно, похолодела я. Полицейский. Вот влипла!

– Необычного? – пискнула Татьяна. – Уж чего необычнее трупа загрызенного.

– А помимо трупа?

– Лично я ничего не видел и ничего не слышал! – поспешно открестился Леонид Парфенович.

– А вы? – Мужчина взглянул на продавщицу.

Та снова несколько нервно поправила обесцвеченные волосы и проговорила:

– Да я же тут стою безвылазно, на рабочем месте. Мне на всякое глазеть некогда, мне нужно товарооборот делать.

– А вы? – клетчатый взглянул на монументальную старуху.

– А вот лично я... – начала та, набрав воздуха, но я не стала дожидаться разоблачения, а тихонько выскользнула из магазина и припустила в сторону шоссе.

Вскоре я увидела автобусную остановку и остановилась, испуганно оглядываясь.

И тут совсем рядом со мной раздался негромкий сочувственный мужской голос:

– Он уже ушел.

Я вздрогнула и оглянулась.

В двух шагах от меня стоял тот самый тип в клетчатом пиджаке, который только что опрашивал посетителей магазина.

Полицейский.

Интересно, как он меня догнал? Ведь только что был в магазине, опрашивал всех присутствующих, а теперь вот он, уже здесь. И зачем я ему нужна? Не иначе та бабка ему на меня наговорила. Так, значит, нужно держаться твердо и ни в чем не признаваться.

– Кто ушел? – спросила я, справившись с испугом.

– Автобус. Он ушел, вы немного опоздали, а следующий будет очень нескоро.

– Обидно... – пробормотала я, думая, чего он от меня хочет.

– Но ничего страшного. Я вас могу подвезти. У меня машина совсем близко.

– Спасибо, я подожду...

– Да нет, вы лучше соглашайтесь. Я же вам говорю – следующий автобус будет очень нескоро, сейчас большой перерыв. А я вас хоть до метро довезу.

Ну надо же, как привязался! Все же что ему от меня нужно? Ну, не будет же он ко мне приставать, как тот, ночью... все же полицейский... опять же на дворе белый день, суббота, людей вокруг много...

– Соглашайтесь, соглашайтесь!

Черт, придется и правда согласиться... иначе это будет выглядеть уже подозрительно...

– Ну, хорошо, – нехотя проговорила я, – где ваша машина?

– Да вон, совсем близко!

И правда, неподалеку от автобусной остановки стояла темно-синяя машина.

Мы подошли к ней, полицейский открыл дверцу.

Я на мгновение замешкалась и спросила:

– А вы, извините, в каком звании?

– Звания? – переспросил он. – Ах, в звании! Я вообще-то капитан. Капитан Осетров.

И с этими словами он взмахнул в воздухе какой-то красной книжечкой. Я не успела рассмотреть не то что фамилию, а даже обложку этого удостоверения, однако боязливо села на пассажирское сиденье, невольно вспомнив, как подседа к незнакомцу минувшей ночью. И чем это кончилось...

Впрочем, как выяснилось, для него это кончилось куда хуже, чем для меня.

Я невольно вздрогнула.

Капитан покосился на меня и спросил:

– Вам холодно? Может, печку включить?

– Да нет, не надо, это так... нервное.

– А, ну да... кстати, вообще, вы сюда к кому-то приехали? Вы ведь здесь не живете.

Вот оно, началось! Он меня явно подозревает и в машину уговорил сесть, чтобы допросить без помех.

И что мне теперь делать? Надо быстро придумать какое-то правдоподобное объяснение, а в голову, как назло, ничего подходящего не приходит.

– А откуда вы знаете, что не живу? – Я подозрительно покосилась на капитана.

– От продавщицы. Она вас первый раз видела.

Надо же – успел продавщицу расспросить! А вот интересно, с той монументальной бабкой он тоже успел поговорить? Вроде не должен, и так удивительно быстро обернулся! Ой, хитрит что-то товарищ капитан, воду мутит...

– Да, правда, я вообще-то на Гражданке живу... – протянула я, – а сюда по ошибке заехала...

– По ошибке? Как это – по ошибке?

– Мне нужно было к знакомым в Ручейки, – я вовремя вспомнила название злополучного поселка, куда меня накануне привез подлец Лешка, – но я пропустила свою остановку и вышла здесь. Ну, и зашла в магазин, чтобы спросить дорогу...

– А что же не спросили?

– Да там такое творилось... к продавщице не подойти. Кроме того, я поняла, что все равно опоздала.

– Угу, – вроде бы согласился мой собеседник, – а что же вы делали в этом поселке утром?

– Утром? – мне удалось вместо растерянности изобразить удивление. – А с чего вы взяли, что я была там утром?

– А вот мне одна свидетельница сказала, что встретила вас на автобусной остановке рано утром. В город вы ехали отсюда.

– Да? – Я вытаращила глаза и подняла брови. – Странно, я точно знаю, что была здесь впервые. А вы уверены, что ваша свидетельница ничего не путает?

Моя мать обожает всяческие сериалы и вообще жить не может без телевизора, поэтому он работает у нее, даже когда она спит. Правда, больше она любит сериалы, как она сама выражается, про жизнь, то есть розовые, простите, сопли про любовь, сначала несчастную, а потом счастливую. Если живешь в однокомнатной квартире, то волей-неволей что-то да посмотришь. Но иногда попадались и детективные сериалы, из которых я вынесла твердое убеждение, что главное при общении с работниками нашей доблестной полиции – это ни в чем не призна-

ваться. То есть на все вопросы отвечать глаголами с приставкой «не». Не была, не состоялась, не привлекалась. И далее в таком духе. Не видела, не слышала, не пила, не ездила, не читала, не писала... далее по списку перечислить все глаголы, которые знаешь. Но не перебарщивать.

И твердо держаться первоначальных показаний. Так что в этом случае: раз уж я сказала, что не была в том поселке утром, на том и буду стоять, хоть тресни. Вряд ли этот тип будет устраивать нам с бабкой очную ставку.

Капитан посмотрел на меня и явственно приуныл, видно, понял, что из меня он ничего не вытянет. Опять же слова старухи не вызвали у него большого доверия, уж больно противная бабка.

Тут я выглянула в окно и увидела, что мы едем по оживленным городским улицам.

– Вы же меня обещали подвезти до метро! – напомнила я. – А мы его давно проехали...

– Да, но там была перекрыта дорога. А я вас прямо до дома довезу. Мне не трудно.

– Да вы даже не знаете, где я живу...

– Почему не знаю? На Гражданке. А мне как раз туда нужно. Только адрес скажите.

Ну да, я ведь ему только что сдуру лягнула, что живу на Гражданке... ладно, пускай везет!

– Ладно, хорошо... улица Крапивина...

Я хотела назвать и номер дома, но вовремя прикусила язык. Зачем говорить лишнее?

Он снова покосился на меня и задал очередной вопрос:

– А к кому вы ехали в Ручейках?

Черт, ну когда же это кончится!

Я не успела ничего придумать, как вдруг раздался усиленный мегафоном голос:

– Водитель автомобиля «Хонда» такой-то номер, остановитесь! Водитель...

Капитан поморщился, сбросил скорость, остановил машину.

К нам подошел полицейский в форме дорожной службы, поднес руку к козырьку фуражки.

– Ваши документы, пожалуйста.

Я была уверена, что капитан покажет ему свое удостоверение, но он только смущенно улыбнулся и проговорил:

– Офицер, я что-нибудь нарушил?

– Ваши документы! – повторил патрульный.

Осетров вздохнул, открыл бардачок, вытащил оттуда бумажник с документами и протянул гаишнику. Тот пролистал документы, вернул и проговорил:

– Нехорошо, Евгений Викторович. Нехорошо.

– Что плохо? Что я не так сделал?

– Задний габаритный фонарь у вас не работает.

– Ах вот оно что! – в голосе капитана прозвучало явное облегчение. – Не заметил... видно, только что перегорел. Сейчас же исправлю... только доеду до станции и исправлю. Это все?

– Да вроде все. Можете ехать.

И мы поехали дальше.

А я задумалась.

Если Осетров действительно полицейский, почему тогда он не предъявил патрульному свое удостоверение? Тот бы сразу его отпустил, без лишних разговоров... Они ментов за своих считают и не вьются по мелочам.

Так, может, этот Осетров никакой не полицейский? Удостоверение я не успела рассмотреть...

Но тогда кто он такой и что ему от меня нужно?

Зато теперь я знаю, как его зовут. Евгений Викторович Осетров. Хорошая такая фамилия, рыбная.

Пока я обо всем этом думала, машина свернула на мою улицу.

– Вот она, улица Крапивина! – проговорил Осетров, покосившись на меня. – А дом у вас какой?

– Да вот, шестой, сразу за магазином... дальше не нужно, я сама дойду...

Осетров начал притормаживать, и тут я увидела, что перед моим подъездом расхаживает Лешка собственной персоной. Явился, что называется, не запыхавшись.

Ходит взад-вперед с мрачной физиономией и поглядывает то на часы, то на дорогу.

Ах ты, мерзавец! Прикатил уже отношения выяснять! Совести у него хватило!

Я повернулась к Осетрову и проговорила:

– Ах, нет, извините, я передумала! Подвезите меня к самому подъезду. Вот к тому, последнему, где красная скамейка!

– Как скажете! – Капитан (если только он действительно капитан) проехал еще немного, остановил машину и даже вышел, чтобы открыть для меня дверь.

Я вышла с надменным видом, шагнула вперед – и сделала вид, что только сейчас увидела Лешку.

Он бросился было ко мне с грозным и многообещающим видом, но тут заметил машину, из которой я вышла, и Осетрова, открывающего мне дверцу.

Лицо у него вытянулось, он притормозил, но все же открыл рот, явно собираясь что-то мне высказать.

Но я не дала ему такой возможности и, прежде чем он сказал хоть полслова, повернулась к Осетрову и громко, отчетливо, с вызовом проговорила:

– Товарищ капитан, вот как раз то, о чем я вам говорила... это он, тот самый!

Осетров уставился на меня, широко открыв глаза, потом перевел взгляд на Лешку...

Точнее, на то место, где он только что стоял. Потому что Лешки там уже не было, он словно сквозь землю провалился.

– О чем это вы мне говорили? – спросил Осетров после недоуменной паузы. – И кто это такой... был?

– Ах, извините. – Я замела хвостом. – Это мой знакомый... мы с ним расстались, а он это никак не хочет понять. И принять. Ну, я и пугнула его... вами.

– А что – я такой страшный?

– Да нет, вы совсем не страшный, даже наоборот, вы очень славный, и мне помогли, но сейчас я вынуждена с вами распрощаться. – И я проскользнула в подъезд, пока Осетров не придумал предлог, чтобы проникнуть ко мне в дом, к примеру, не напросился бы на кофе или на чай с печеньем.

И что вы думаете? Алевтина Ивановна не толклась возле подъезда, зато свисала из окна. И, ясное дело, видела всю пантомиму – и Лешку, и меня, выходящую из незнакомой машины, и капитана, который открывал мне дверцу. Хорошо хоть он в штатском! Зрение у нее отличное, небось и номер машины разглядела.

Вспомнив про свои потерянные навеки очки, я дико разозлилась и хлопнула дверью подъезда.

Нинка снова заперлась на задвижку, но открыла быстро.

– Твой был, – доложила она, – я, конечно, не впустила, сказала, что тебя нет.

– А он что?

– Ругался тут, потом ушел.

– Так и дальше действуй, – одобрила я.

Тут я вспомнила, что за всеми переживаниями так и не зашла в магазин, и мы заказали на дом пиццу, точнее, две пиццы по цене одной, а пока я пошла в ванную.

И тут, под теплыми струями, задумалась, что же такое со мной происходит.

Ну, допустим, Лешка оказался форменным мерзавцем, решил подложить меня под своего бывшего сослуживца. Противно, но дело, как говорится, вполне житейское. Наплевать и забыть, что я и пытаюсь сделать...

Но дальше-то... Допустим, я подседа ночью в машину к незнакомому мужику, и он начал ко мне приставать, что тоже, в общем, никак не удивляет, такая уж жизнь.

И я вырубила его с помощью баллончика, и когда выскочила из машины, то он точно был жив, потому что шевелился и бормотал ругательства. И по идее, должен был очухаться минут через сорок и ехать восвояси.

А он помер. И не просто помер, вроде бы этот капитан Осетров, или кто он там, не стал спорить, что убитый был именно загрызен, значит, так оно и есть. Ну, не волками, конечно, откуда на дороге волкам взяться, а бродячими собаками...

Тут я вспомнила свой сон и кровь на каменных мордах.

Пустое, это был сон. Тем более что и собак не было, хоть живых, хоть каменных. И дома не было, иначе куда же он делся? Стало быть, все мне привиделось.

Ага, а тогда где я провела ночь? Точнее, полночи. С половины третьего до половины седьмого. Спала под кустом? И там же потеряла очки? Знать бы еще, под каким кустом...

И еще вопрос: откуда в моей сумке взялся тот самый старинный... как его... лорнет? Вот это уж точно загадка.

Тут меня отвлек стук в дверь, это Нинка сообщала, что принесли пиццу и чтобы я вышла есть, пока она горячая.

Остаток дня прошел спокойно, а вечером явился Валерка, третий жилец нашей квартиры. То есть настоящим жильцом назвать его нельзя, потому что комнату свою он купил лет пять назад специально, чтобы сдавать жильцам. Это было еще до того, как я въехала сюда после смерти бабушки.

С тех пор жильцы менялись, как стеклышки в детском kaleidoscope. Алевтина Ивановна вела им строгий учет и немедленно сообщала мне подробности.

Жила у Валерки парочка разбитных таких девиц, представившихся студентками, у которых каждый день были, по Нинкиному выражению, сплошные гулянки.

Алевтина же называла и девиц, и их вечеринки неприличными словами и, кажется, была права. Нинка работает сменной медсестрой сутки через трое или же два дня через два, так что ночами не всегда бывает дома, я тогда жила еще с матерью, так что девицы совершенно распоясались. И после особенно шумного праздника, который больше напоминал ведьмин шабаш на Лысой горе (это так Алевтина написала в заявлении участковому), Валерка их выставил со скандалом.

Затем он сдал комнату средних лет паре, и тут началось другое.

Как оказалось, парочка эта сошлась буквально за месяц до этого по причине огромной и страстной любви. Мужик был вообще женат, но встретил эту свою большую любовь и тут же бежал без оглядки от жены и от детей, да так быстро, что жена даже не успела крикнуть ему вслед слова из известной песни: «Ты куда, Одиссей?»

Видела я эту его любовь – ну, если честно, то смотреть не на что. Возраст к сороковнику бежит, сама такая неухоженная, волосы жидкие в хвостик завяжет, да так и ходит по квартире в спортивном костюме старом, штаны на коленях вытянутые.

Косметики никакой, носки вязаные до колена, в таком виде хахаля своего с работы встречает.

Сама она работала где-то редактором, то есть дома сидела. Ну, я тогда только плечами пожала, потому что мужчина ее тоже из себя самый обычный был. Но, как Алевтина Ивановна

говорит, что мужик чуть красивее черта – уже красавец. Так что с первого взгляда непонятно было, что он в ней нашел.

Ага, сказала Нинка, ты просто тут не ночуешь. А у них каждую ночь такое делается... стены дрожат. Я уж диван к другой стенке переставила, так все равно спать невозможно.

Алевтина Ивановна, без которой ни одно дело не обойдется, не удержалась тогда и ляпнула, что Нинка просто завидует, но она даже не обиделась, а сказала, что тут наверняка что-то не так. Не иначе эта баба чем-то мужика бедного опоила, подливает ему какую-то отраву в чай, потому как нормальные люди средних лет не могут же все время в постели проводить.

И оказалась права, потому что через пару месяцев в воскресенье в квартиру явилась довольно молодая и на первый взгляд симпатичная женщина, которая без лишних слов отодвинула Нинку, открывшую ей дверь, пробежала по коридору и безошибочно определила нужную ей комнату, а именно ту, откуда раздавались характерные страстные стоны и крики.

Как уже говорилось, день был выходной, и пара использовала его на всю катушку.

Вот вы мне скажите, почему эти люди не заперли дверь? Казалось бы, не в отдельной квартире живете, нужно быть осторожнее.

Так или иначе, бабенка, оказавшаяся женой этого самого, с позволения сказать, сексуального гиганта распахнула дверь и увидела любовников во всей красе.

Потом она говорила, что хотела только поговорить, урезонить его, сказать, что дети плачут и зовут папочку, однако зачем-то взяла с собой пистолет.

Он оказался пневматический, но с первого взгляда это не всегда определить можно. Те двое, естественно, испугались, а куда ж голыми из кровати денешься...

В общем, брошенная жена стала ругаться и прохаживаться по поводу внешних данных любовницы (Нинка стояла в коридоре и все прекрасно слышала), та не стерпела и бросила в нее тапочкой, тогда жена наставила на них пистолет и со страху нажала на курок, крикнув что-то типа «Умри, проклятая разлучница!».

Моя мать точно знает все, что полагается говорить в таких случаях в сериалах.

И можете себе представить, этот идиот, муж, бросился на защиту той швабры. И закрыл ее своим телом! Нет, не перевелись еще рыцари на белом свете.

Ну, никого, конечно, не убили, пуля ударила его в плечо, отчего он упал с кровати и сломал руку. Плохо сломал, перелом оказался сложный, в двух местах.

Жена бросила пистолет и убежала, едва не сбив Нинку с ног. Любовница же билась в истерике, не делая попыток помочь своему хахалю. Тут Нинка оказалась на высоте. Она подняла несчастного мужика на кровать, зафиксировала перелом, обработала синяк на плече и вызвала «Скорую». После чего надавала пощечин этой истеричке и велела хоть одеться, а то смотреть противно.

«Скорая» забрала больного, который в последнем слове умолял Нинку не вызывать полицию, а то мать его детей посадят. Очевидно, боялся остаться с ними один на один.

Пока суд да дело, разлучница собралась да и дала деру из квартиры, оставив в комнате такой кавардак, что Валерка ругался последними словами. С тех пор ее больше не видели, а мужик провалялся в больнице полтора месяца, потому что перелом никак не заживал, а потом вернулся к жене, которая от радости, что он не заявил на нее в полицию, таскала ему передачи в больницу и приняла обратно.

После этого случая Валерка решил сдавать комнату только одиночкам, причем исключительно мужчинам.

Нинка воспрянула было духом в надежде устроить свою личную жизнь, но попадались либо законченные алкоголики, либо вовсе ненормальные. Один ходил по квартире в шапочке из фольги, чтобы нейтрализовать вредное воздействие от волн, исходящих из мобильных телефонов.

Хорошего мужика жена из дома не выгонит, поняла наконец Нинка и решила искать в других местах.

Сейчас Валерка, конечно, очень на меня разозлился: он же пообещал уже мою комнату, люди завтра въехать собирались, а тут такой облом. Но мы с Нинкой быстро поставили его на место, прямо напомнив, что без нашего согласия он комнату сдавать не может, так что не нужно ему с нами ссориться.

С такой постановкой вопроса Валерка никак не мог не согласиться и ушел, напоследок присовокупив, что завтра придет новый жилец в его комнату.

И он таки явился в воскресенье во второй половине дня. Звонок был такой робкий, что я его не расслышала, а у Нинки вообще гудел пылесос. Короче, открыла я на звонок только с третьего раза. На площадке топтался хлипкий такой мужичок непонятного возраста – может, к сорока, а может, и после пятидесяти. Одет он был в застиранную рубашечку с короткими рукавами, которую Алевтина Ивановна называет почему-то бобочкой, и серенькие невзрачные брючки.

Через плечо у него была повешена потертая сумка, а у ног стоял такой же потертый чемодан, из чего я сделала кое-какие выводы и не захлопнула дверь перед его носом. Он, кстати, у прибывшего был не то чтобы длинный, но какой-то неправильной формы, заворачивался чуть влево.

Глаз не было видно из-за очков, а тот серенький газончик, что робко прорастал вокруг плешки, никак нельзя было назвать волосами.

– Здравствуйте, – вежливо сказал прибывший и деликатно потоптался на пороге, как будто пытаюсь вытереть ноги. Хотя коврика у нас перед дверью давно уже не было, его украл кто-то из Валеркиных прежних жильцов.

– Здравствуйте, вы, наверно, новый жилец... – Я придерживаюсь в жизни правила, чтобы не хамить сразу незнакомому человеку, даже если он мне сразу не понравился.

Ну и что с того? Мне с ним водку не пить и детей не крестить. Так что я посторонилась и пропустила его в квартиру. Он втащил свои вещи, и пока шел по коридору, выскочила Нинка.

Было очень забавно наблюдать, как радостное ожидание в ее глазах уступило место разочарованию, а потом и злости.

Нет, все-таки Нинка ужасно наивна. Ведь знает же, что никакой мало-мальски приличный мужик не может снять у Валерки комнату. Ведь комната в коммуналке означает, что у человека даже нет денег на какую-нибудь зачуханную однушку на краю города. И что либо этот тип приехал из какой-нибудь самой настоящей дыры, либо его выгнала жена по причине полной недееспособности ко всему на свете.

Короче: либо алкаш, либо псих, либо лентяй, каких мало.

Нинка знает все это не хуже меня, но каждый раз надеется на то, что встретит подходящего человека. Ну, в этом случае, конечно, она все поняла сразу, оттого и разозлилась и даже громко фыркнула.

Вновь прибывший, однако, не обратил на нее особого внимания, он открыл дверь и обернулся на пороге.

– Меня зовут Викентий, – сказал он, – можно просто Вика.

И улыбнулся. Только лучше бы он этого не делал, потому что зубы у него были желтые и кривые, и улыбка его вовсе не красила.

Я пробормотала что-то вроде «приятно познакомиться», Нинка даже не ответила.

– Ну, как тебе новый жилец? – спросила я.

– Ужас какой, – буркнула она, – метр с кепкой, нос-то, нос... На семерых рос, да одному достался! И где только Валерка таких выкапывает?

– Тише ты, он услышит!

Нинка только рукой махнула.

Утром я, конечно, проспала, так что даже позавтракать не успела. Да еще пока тащилась на трех транспортах на работу, потеряла еще минут пятнадцать, так что пришла на работу позже начальника.

А это плохо, потому что... ну, вы сами понимаете почему.

Я, конечно, расстроилась, потому что хотела попросить у девчонок из соседнего офиса чашку кофе, у них стоит отличная кофеварка. У нас же ничего нет, приходится бегать к автомату, что стоит в конце коридора. Вы ведь, конечно, знаете, какой вкус у кофе из автомата? К тому же он вечно сломан.

Наш начальник говорит, что мы прекрасно обойдемся без кофеварки, потому что сам кофе вообще не пьет. Вот просто на дух не выносит его запаха!

Не повезло мне с начальником, это точно. Зануда, каких мало, да еще и кофе не пьет.

– Злой сегодня пришел, – шепнула мне Вера Аркадьевна, наш бухгалтер, – его машину кто-то поцарапал на стоянке. А ты чего такая встрепанная, проспала, что ли?

– Ага... думала хоть кофе выпью...

– Вот, держи, – она сунула мне слоеный пирожок, – вроде завтрака тебе будет.

– Спасибо... – повеселела я, – вы просто спасаете меня от голодной смерти.

Но этому не суждено было осуществиться, потому что начальник крикнул из кабинета:

– Алиса, зайдите ко мне!

Ну все, сейчас заведет воспитательную беседу на час, будет досконально перечислять все мои недостатки, а я буду сидеть, опустив глаза, и слушать всю эту лабуду. Раз назвал на «вы», то так просто не отпустит, найдет к чему привязаться.

Однако все оказалось еще хуже.

– Вот эти бумаги, – начальник протянул мне большую голубую пластиковую папку, – вы должны будете отвезти Пумпянскому. Причем прямо сейчас.

Вот новости, с чего это ему вздумалось использовать меня вместо курьера?

– Но, Андрей Яковлевич... – заговорила я, – для этой цели есть курьер... – но он перебил меня строго:

– Курьер с сегодняшнего дня на больничном, а документы не могут ждать. Так что я вас очень прошу, не задерживайтесь.

Когда начальник говорит, что очень просит, подразумевается, что он приказывает и приказы его не обсуждаются, как в армии. И если я сейчас выпью кофе у автомата и поболтаю с девчонками, то ему обязательно кто-нибудь доложит.

Нет, ну за какие грехи мне это наказание? Хорошо хоть до комитета, где работает Пумпянский, ехать недалеко.

Я вошла в приемную.

Там царил Лариса, секретарь Пумпянского, и вдоль стеночки на стульях сидели посетители, робко прижимая к груди папочки и портфельчики.

Лариса – женщина суровая, это все знают, помню, еще курьер Михаил жаловался. С виду у нее вроде все нормально – фигура довольно стройная, одета всегда хоть строго, но прилично: костюм дорогой и хорошо сидит. Макияж самый скромный, но опять-таки косметика дорогая. Так что если человек впервые к Пумпянскому пришел, то ничего плохого от его секретарши не ждет.

Но это если в глаза Ларисе не смотреть, потому что взгляд у нее как у горгоны Медузы. Сама не видела, как посетители от ее взгляда каменеют, но Михаил утверждает, что одного с сердечным приступом прямо из приемной вынесли. С тех пор наш курьер эту Ларису боится жутко, оттого, думаю, и больничный взял.

Я еще раз оглядела приемную.

Это что же – мне тут придется еще в очереди сидеть, как в районной поликлинике? Я на такое не подписывалась!

Я подошла к столу Ларисы и громко, отчетливо проговорила:

– Меня Ларионов прислал передать бумаги по двести четвертому договору.

Лариса перекосилась и проговорила тихо, но грозно:

– Вы что кричите? Вы не знаете, что у нас непременно нужно соблюдать тишину?

– Передать бумаги! – повторила я тихо, но так же отчетливо.

– Менелай Орестович занят! – прошипела Лариса. – И все ждут его, чтобы передать бумаги!

– Но Ларионов сказал, что Менелай Орестович ждет... что его предупредили...

– Мало ли что сказал ваш Ларионов! – И Лариса кивком показала мне на свободный стул.

– Но вы хотя бы сообщите ему, что я...

– Я сообщу все, что нужно!

Я села и уставилась перед собой. Потом достала телефон, но Лариса грозно нахмурилась, и я убрала его от греха. Вдруг и правда посмотрит специальным горгонским взглядом? Я, может быть, и не превращусь в камень, а мобильник точно расплавится.

В приемной, кроме меня, сидели еще четыре человека с крайне озабоченными лицами.

Один из них что-то шептал и нервно барабанил пальцами по своему портфелю, другой читал какой-то документ, то и дело удивленно поднимая брови.

Вдруг входная дверь открылась, и в приемную вошел новый посетитель очень необычной внешности.

Это был высокий худощавый человек в тщательно отутюженном черном костюме, с тщательно уложенными седыми волосами. Глаза его закрывали темные очки, на руках были черные перчатки тонкой кожи, кроме того, он опирался на черную трость с серебряным набалдашником в виде змеиной головы.

Вместо глаз у змеи были вставлены два зеленых камня.

Этот человек совершенно не вписывался в приемную Пумпянского. Он был бы уместнее в репетиционном зале театра или в павильоне, где снимают фильм...

Станный человек огляделся и направился в мою сторону.

Я удивилась: оба стула рядом со мной были заняты. Слева сидел тот человек, который барабанил по портфелю, справа – отчаянно потеющий толстяк.

Однако человек с тростью остановился перед нервным типом и в упор посмотрел на него.

Тот перестал барабанить, втянул голову в плечи, вскочил и перебрался на свободный стул в другом конце комнаты.

Человек с тростью сел на освободившееся место, поставил трость между коленями и повернулся ко мне.

– Здравствуйте, Алиса Дмитриевна.

Я вздрогнула: откуда он знает, как меня зовут?

Однако вежливость требует ответить, и я сдавленным голосом проговорила:

– Здрав... ствуйте...

– Долго вы здесь ждете? – спросил он меня странным неживым голосом.

– Ну, не то чтобы долго... – промямлила я, не понимая, чего он от меня хочет.

Я косилась на Ларису: как она относится к тому, что он разговаривает в ее царстве тишины?

Но она даже не смотрела в его сторону.

Станный незнакомец погладил серебряную змею на трости.

Я невольно взглянула на его руку и увидела, что на ней поверх перчатки надет перстень с печаткой, на которой была выгравирована собачья голова.

Неожиданно в глазах у меня потемнело, и вместо приемной мелкого начальника я увидела дом посреди лужайки и двух огромных псов, бегающих кругами. Выглядели они очень довольными и радовались общению со мной, но...

У обоих псов были окровавленные морды...

– Кто здесь от Ларионова?

Я вздрогнула и очнулась.

– Кто от Ларионова? – повторила Лариса, оглядывая приемную. Как будто не знает, что это я!

– Я! – проговорила я громко и привстала со стула.

– Что же вы не идете? Менелай Орестович вас ждет! – процедила секретарша.

Я поднялась и направилась в кабинет.

По дороге оглянулась на того странного человека с тростью...

Но его не было, на том стуле, где он только что сидел, снова был нервный тип, который по-прежнему барабанил пальцами по своему портфелю.

Когда я выходила из кабинета, этот нервный едва не сбил меня с ног, протискиваясь в дверь.

На месте Пумпянского я бы ни за что не подписала ему ничего, видно же, что человек не в себе.

Потирая ушибленное плечо, я поняла, что если не выпью кофе, то просто покусая первого же попавшегося навстречу прохожего. В конце концов, имею я право на перерыв?

Тут у них в комитете как раз был очень приличный кофе. И недорогой, о госслужащих у нас заботятся.

В кафе настиг меня звонок с незнакомого номера. Я расслабилась и ответила, хотя были у меня подозрения, что ничем хорошим это не кончится. И, разумеется, это был Лешка. Ну да, его-то номер я занесла в черный список.

– Чего тебе? – холодно спросила я.

– Я... Алиса, я хотел... – жалобно блеял он, – понимаешь, я хотел... извиниться.

– Только не вздумай говорить, что я все неправильно поняла! – усмехнулась я.

– Ну да, конечно... – Он помолчал немного, собираясь с духом. – Понимаешь... в общем, давай начнем все сначала! Как будто ничего не было!

– Как это? – Вот, казалось бы, ничем меня Леша не сможет больше удивить, а вот удивил же.

Хотелось заорать, обругать его последними словами и бросить телефон об пол.

Ничего этого я, разумеется, делать не стала, потому что люди все вокруг кофе пьют приличные, как бы охрану не вызвали. Так что я очень тихо сказала, чтобы Лешка оставил меня в покое, что я не шучу и не набиваю себе цену и что самое лучшее, что он может сейчас сделать, – это забыть, что когда-то мы были с ним знакомы. Надеюсь, он сам понимает, какая он скотина, а если нет, то объяснять ему я ничего не собираюсь. Как говорится, без комментариев.

– Да... но я... – На этот раз он молчал так долго, что я хотела уже отключиться, как вдруг он выпалил: – Ты должна дать мне еще один шанс!

Нет, ну неужели у него нет никаких своих слов, а может только сериалы цитировать!

Тут до меня дошло, что Лешка просто испугался, когда увидел возле меня капитана Осетрова. Неужели он поверил, что я обратилась в полицию? Мало того что скотина, так еще и дурак к тому же. И как я раньше не замечала?

В общем, мне все надоело, и я отключилась, а потом и этот номер занесла в черный список. И заторопилась на работу.

Выйдя из метро, я шла по улице по направлению к офису.

Вокруг почему-то не было ни души и стояла какая-то странная, настороженная тишина.

Вдруг передо мной, как из-под земли, появилась крепкая, коротко стриженная бабенка средних лет в зеленой шерстяной кофте и кепке-бейсболке.

– Девушка, – проговорила она неожиданно низким голосом, – у вас пары лишних рублей не будет?

Эта неожиданная и наглая просьба сбила меня с толку.

Я удивленно взглянула на странную попрошайку, подумав, что ослышалась.

– Ну что, я непонятно говорю? Или тебе пары рублей жалко для бедной женщины? – И попрошайка вдруг схватила мою сумку, пытаясь вырвать ее из моих рук.

Я машинально прижала сумку к себе и локтем попыталась оттолкнуть наглую бабу.

Примерно полминуты мы молча боролись за сумку, тяжело дыша, затем она крикнула кому-то:

– Ну, что стоишь? Помоги!

Тут же рядом с ней возник приземистый толстяк с круглыми, выпученными, как у вареного рака, глазами. Он подскочил ко мне и ткнул в бок кулаком.

Я охнула от боли и неожиданности и выпустила сумку.

Воровка отскочила в сторону со своим трофеем и начала торопливо рыться в сумке. Ее напарник держал меня за локти, косясь на свою приятельницу.

Я вырывалась, но почему-то молчала, видимо, на меня накатил приступ странной немоты.

Наконец толстяк пропыхтел:

– Ну что? Долго ты еще? Я ее с трудом держу!

Воровка выдала заковыристую матерную тираду и добавила на общепринятом языке:

– Черт... не могу найти... может, он не здесь...

И тут рядом со мной прозвучал странный, холодный и как будто неживой голос:

– А ну, быстро пошли отсюда прочь! Только сумку девушке отдать не забудьте!

Я обернулась.

В нескольких шагах от нас стоял высокий, худощавый, седовласый человек в черном костюме, в черных очках.

Тот самый загадочный, мистический человек, которого я видела в приемной Пумпянского. Он еще подсел ко мне и называл по имени-отчеству.

Как и тогда, он был в темных очках. Как и тогда, в руке у него была черная трость с серебряным набалдашником в виде змеиной головы с зелеными глазами.

– Это ты, дядя, пошел прочь, пока цел! – пропыхтел толстяк и отпустил меня. Тут же в руке его появился складной нож.

– Вы меня не поняли? – процедил незнакомец в черном. – Я сказал – убирайтесь прочь!

– Это ты, дядя, не понял! Это ты не врубился! – Толстяк шагнул вперед, размахивая ножом.

– Я вас предупреждал! – внезапно человек в черном выбросил вперед свою трость, и с ней произошла какая-то удивительная, непостижимая метаморфоза.

Только что прямая трость зашипела, изогнулась, упала на тротуар и поползла к толстяку.

С изумлением я увидела, что это никакая не трость, а огромная змея с зелеными холодными, как два камня, глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.